

Екатерина Казакова

Избранная по контракту

**Я — непредсказуема и потому — непобедима!
Особенно при такой-то таксе!**

Annotation

Она не носит белых рубашек и кожаных штанов. Она не умеет рубиться на мечах и гарцевать на лошади. Она не употребляет в речи иномирные ругательства, зато виртуозно выражается на «великом и могучем». В ее родне не отметились демоны, маги и эльфы, и поэтому она не имеет никакой магической силы и волшебных амулетов, зато она умеет находить выход там, где его нет. Ей совсем не семнадцать лет, и ей чужды моральные терзания на тему «дать или не дать подержать себя за руку», а ее здоровый цинизм ставит в тупик всех окружающих. Ее преданный друг совершенно не похож на монструозного коня, зато он может заработать денег из воздуха... Она всего лишь редактор издательства, которой «повезло» заключить контракт с подозрительными личностями и стать Избранной в мире, совершенно далеком от фэнтезийных канонов. А ее напарник – такса, готовая продать родину за вареную колбасу. На пару им придется спасти мир от Темного Лорда и наказать умников, отправивших их на гладиаторские бои без правил.

Е. В. Казакова

Избранная по контракту

Моим френдам с СИ: Ашвиной, Анне Джейн, Селении Аквитанской и Троллю Подстрочному посвящается. Если бы не они, этой книги не было бы.

Мой ответ всем Мери-Сью Гэндальфовнам Редным.

В романе нет: патетических речей, торжественных клятв наказать обидчика и описаний массовых сражений с нечистью. Героиня не обладает никакой волшебной силой, не носит белых рубашек и не умеет гарцевать на лошадях. Ее «облико морале» оставляет желать лучшего, но зато она и ее друг могут довести до нервного срыва любого и даже спасти мир. Если, конечно, у вас есть деньги, чтобы оплатить их услуги по его спасению. А классические герои фэнтези вовсе не такие, какими их принято описывать.

Глава первая

«Боже, сколько же тут их?! – лихорадочно думала Мария, прижимая к своей затянутой в кожаный корсет груди амулет. На нее, утробно урча, надвигался рой зомби, подкрепленный конницей вурдалаков. – Что же делать, что же делать?» – лихорадочно думала отважная воительница.

Поняв, что еще минута – и воинство воинственной нежити растерзает ее на части, она резко выкинула вперед руку. Зомби, поджав хвосты, отступили...»

Я с отвращением оторвалась от монитора и взвыла, как мартовский кот, обожравшийся валерьянки:

– Как тебе, сэр Сосискин, повествованьице, а? – Моя негодующая персона обратилась к похрапывавшей на кровати таксе. – Какой оригинальный ход: «конница вурдалаков и рой зомби». Какое нестандартное решение – «воинствующее воинство»! С каких это пор зомби мало того что стали хвостатыми, так еще и начали роиться, вурдалаки заделались лихими кавалеристами, а слова можно повторять через строчку?! Нет, что это за зомби, которые пугаются брошенных в них чьих-то рук?! Ну и как мне прикажете этот бред редактировать и приводить в удобоваримый вид?

Отягощенный филологическим образованием мозг продолжал патетически восклицать в пустоту, а Сосискин, не открывая глаз, лениво тьякнул.

На самом деле этого не в меру упитанного такса зовут Шерри-Матадор, но благодаря неумной страсти к поеданию всяческих колбасных изделий его имя помнили только мои родители. Когда мы с ними покупали щенка в жутко элитном питомнике, заводчик три часа вдохновенно вещала нам о его славных предках-охотниках, родне – чемпионах всех выставок в ужасающе длинном роду, попутно расписывая прелести хождения на норы со своей таксой. Подавленные сведениями о депрессиях, наступающих собаку, лишенную возможности потаскать дикого зверя за хвост, мы клятвенно пообещали воспитать из Шерри-Матадора достойного охотника. Но, как говорится, на детях гениев природа отдыхает. Наш пес оказался совершенно не приспособленным к военно-спортивной забаве «Вытащи лису из норы». Когда он в первый и единственный раз в своей жизни побывал на норах и увидел облезлую Патрикеевну, в глазах которой навечно застыл вопрос: «Господи, и когда я только сдохну?!» – то банально забыл, что кобели писают, поднимая заднюю лапку, и оконфузился перед всеми своими братьями. Дабы не травмировать пса и не выставлять его в неприглядном свете перед многочисленными зрителями, вопрос об охоте не поднимался, а чтобы собака не впала в депрессию, вся семья кинулась ее подкармливать вкусностями. С тех пор, единственной норой, в которую доблестный поедатель колбасы мог протиснуться не застряв, стал подземный переход. Данное заводчиком звучное имя плавно сменилось на Сосискин. Впрочем, наш пес отзывался и на Фрикаделькина, и на Колбаскина, и на любое другое – главное, чтобы оно было связано с едой.

Устало потеряв глаза, я встала из-за стола и пошлепала на балкон покурить. Навстречу, отражаясь в окне, шла всклокоченная девица. Высокая, со спортивной фигурой, с рваной стрижкой окрашенных во все цвета радуги волос. На ее правом плече угрожающе скалилась татушка в виде дракона, в ушах сияли многочисленные сережки. К губе этого ночного кошмара прилипла незажженная сигарета, а в глазах, подведенных черным карандашом, угадывался маниакальный блеск. Одежду этого ужаса гламурной блондинки составляла

рваная майка с черепом в бандане и вылинявшие джинсовые шорты. Одним словом, серийная маньячка вышла на перекур после очередной кровавой бани. Для полноты образа не хватало только хоккейной маски, рук по локоть в крови и бензопилы за спиной.

«Дожили, Дарья Петровна, сами своего отражения стали пугаться», – ехидно прокомментировал мозг.

«М-дя, это ж надо было так заработаться, чтоб самой себя испугаться», – уныло согласилась я.

Выйдя на балкон, я прикурила сигарету и с удовольствием затянулась. Организм привычно насыщался никотином, а мысли поплыли в направлении жалоб на судьбу-злодейку. Нет, не в моем характере жаловаться и стенать, но расстилающаяся за балконом ночь навевала пессимистические мысли. Вместо того чтобы вкушать прелести жизни на курорте или, на худой конец, почивать тяжелым сном дачника, умаявшегося на поливе огурцов, мне приходится ночью в пятницу работать, результат моего умственного труда должен лежать в первый рабочий день к девяти утра на столе у страдающего понедельничным похмельем начальника. А у меня, как назло, еще конь не валялся, вернее, он как споткнулся в самом начале, так и не думал подниматься.

И угораздило же меня пойти работать редактором в издательство, специализирующееся исключительно на выпуске этого самого фэнтези. В голову непрошено полезли воспоминания о причинах, побудивших меня встать на эту стезю. В семь лет, прочитав книгу про путешествие хоббита, я навсегда влюбилась в фэнтези. С возрастом моя любовь только крепла. Читая очередную книжку, я в мыслях вместе с эльфами бесшумно скользила по зеленым лесам, порхала над лепестками роз с крошками-феями, восхищено ахала над сокровищами гномов, бесстрашно шла в бой против черных колдунов и мечтала когда-нибудь оказаться в сказочном мире. Родители и знакомые умилялись на скромную, чуть полноватую девочку с косичками, проводящую все свободное время за книжкой. Ребенок рос, не доставляя никому никаких хлопот. Даже переходный возраст, которым психологи любят пугать родителей, прошел как-то мимо меня. Я не ходила на дискотеки, не гуляла по улицам с мальчиками из неблагополучных семей, не портила волосы химией и перекисью водорода, не закатывала родителям истерики на тему приобретения модных вещей с Черкизовского рынка. Я вообще ничего не замечала, кроме постоянно повышающихся цен на столь любимую мной литературу.

Возможно, такая жизнь в розовых очках продолжалась бы и по сей день, но на пятнадцатом году существования случилось то, что обычно случается с девочками моего возраста: я влюбилась. Родители с ужасом смотрели на объект моих воздыханий, но я со всем юношеским максимализмом отказывалась понимать, что он совершенно далек от нарисованного мной идеала. Идеал учился на слесаря, изъяснялся исключительно посредством великого могучего русского, слушал «Сектор Газа» и из всей литературы читал журнал «Спид-инфо» в ванной. Прозрение наступило где-то через полгода, когда я случайно подслушала, как несостоявшийся принц делится со своими прыщавыми друзьями планами по возвращению «пухлой тушки» в ближайшие выходные, а в качестве доказательства обещает представить фотографии. Я стояла и слушала, как он глумится над моими косичками, платящими, добрым чувством юмора, неумением хамить, давать отпор и восторженно-наивным увлечением фэнтези.

Прорыдав всю ночь, утро я встретила совершенно другим человеком. Волосы были острижены в ближайшей парикмахерской, там же заодно были проколоты уши, платя и

кофточки отнесены на помойку, а предки наконец-то получили первую полноценную истерику на тему: «Мне нечего носить». Чувство юмора резко стало черным, ну а мой до недавних пор легкий характер навсегда стал цинично-тяжелым. Мою персону все реже можно было застать читающей очередную сказку, потому как все свободное время я стала проводить в спортзале, сгоняя детский жирок. Со временем полноту заменила мускулатура, прическа раз от разу становилась все более короткой и вызывающей, а количество дырок в ушах увеличивалось в геометрической прогрессии. Примерно через полтора года я встретила своего бывшего ухажера и в ответ на его сальную шуточку прилюдно опустила его перед всеми друзьями и висящей на нем, как сопля, девицей. Помню, что он даже попытался на меня замахнуться, но мастерски проведенный хук правой выбил из него эту глупую мысль. Еще спустя пару-тройку лет на плече и спине у меня расцвели татуировки, и я навсегда забыла, как носить юбки и ходить на каблуках. Родители только удрученно вздыхали, наблюдая за моим преображением. Единственное, что осталось у меня на тот момент неизменным – это хорошие оценки и любовь к фэнтези, теперь тщательно скрываемая ото всех под маской циничной девицы. Когда передо мной встал выбор, куда поступать, я расчетливо отдала свои документы в престижный вуз на факультет филологии с прицелом в дальнейшем работать там, где печатается это самое фэнтези, дабы больше не тратить время на метания за новинками и деньги, которые можно потратить на очередную покраску волос или фенечку.

Еще учась в институте, я устроилась на работу в редакцию издательства, регулярно радующего читателей сказками для взрослых. Примерно через полгода моя любовь к фэнтези скончалась в корчах. Если бы я только знала, какое количество графоманов всех возрастов и профессий возомнило себя новыми Толкиенами и Желязны, нога бы моя не ступила на эти галеры. Найти по-настоящему захватывающую и не банальную историю, было сродни чуду типа того, как обнаружить в небезызвестном всем месте алмазы. Авторы не баловали читателей разнообразием. Литераторы женского пола отправляли главную героиню в какой-нибудь параллельно-фантастический мир либо после аварии, либо после грандиозной пьянки по поводу сдачи сессии. Там, в дремуче-средневеково-фэнтезийном мире, она тут же обрастала стальными мускулами и накачивалась по самые уши магической силой. Добрый дедушка-волшебник с лукавыми морщинками возле глаз, повесив амулет ей на шею, пинком под зад отправлял киборг-девицу спасать абсолютно чуждый ей мир. Вот почему-то до ее явления спасти этот мир, населенный сплошными чародеями, было абсолютно некому. Чтобы странница не скучала по дороге к главному злодею, в нагрузку ей давались лузеры разных рас с кучей комплексов и жаждой справедливости. Героине, шастающей по городам и весям, судорожно стискивая поводья норовистой клячи или натирая в кровь ноги, в качестве бонуса полагался жених. Жених, как правило, был эльф с вселенской печалью во взоре. Иногда изощренная фантазия авторши осчастлививала попаданку раскаявшимся демоном или бывшим черным колдуном, резко вставшим на путь исправления. По ходу повествования дитя двадцать первого века в совершенстве постигало науку боя на мечах, хотя в своем родном мире с трудом владело иголкой. В финале эта суперпупермега-Годзилла Гэндальфовна Редная одной левой убивала умученного жизнью Темного властелина и счастливо галопировала под венец. Родной мир, родители, теплый туалет, распродажи и журнал «Космо» беспощадно вычеркивались из памяти, хотя вроде как за победу над злом добрый дедушка с экстрасенсорными способностями обещал вернуть ее в родные пенаты.

Злоключения героини щедро разбавлялись описанием ночевки под луной, победоносной

войной с нежитью и моральными терзаниями на тему: «А возможна ли с эльфом половая жизнь и как посмотрит мама на то, что у ее внуков будут острые ушки?» Судьба эфемерного мира меня не волновала, но из врожденного любопытства я раз попробовала переночевать без постельных принадлежностей. Мысль тащиться в лес кормить комаров даже не рассматривалась, поэтому я максимально приблизила походные условия у себя в комнате. Камешки, комочки и неровности земли мне заменил палас. Вместо седла под голову была положена стопка книг. В качестве плаща из знаменитой эльфийской непромокаемой и непродуваемой ткани выступил теплый плед. То ли палас не был таким мягким, как мать сыра земля, то ли плед из верблюжьей шерсти был слабой заменой плащу, а может, мне не хватало треска костра и бьющихся за охранным кругом монстров, но через двадцать минут, кряхтя, как старая бабка, и потирая отлежанные бока, я уже вытягивалась на своей кровати.

Больше всего меня веселило то, что в подавляющем большинстве случаев героиня шла спасать мир, надев обтягивающие кожаные штаны, белую рубашку на манер пиратской, всенепременно черный корсет и высокие сапоги. Кто хоть раз в жизни имел глупость в жару упаковать себя в кожаные штаны, тот, думаю, поймет причину моего веселья. А вид женщины, которая идет в поход, надев белую рубашку и парадно-выходные ботфорты, вызвал бы гомерический хохот у всех, кто увидел бы эту больную на голову. Но авторы почему-то считали иначе и бросали в бой за читателя очередную мамзельку в бредовом, с точки зрения нормального человека, наряде.

Писатели-мужчины с садистским удовольствием выпихивали во враждебную среду студента, бывшего десантника, ботаника-недотепу, рафинированного интеллигента, системного администратора (нужное подчеркнуть). У него, как правило, обнаруживались в предках драконы, дроу, демоны, ну или незаконный папашка в виде мага. Под влиянием обстоятельств у бывшего неудачника моментально просыпалась генетическая память, до сего момента благополучно усыпленная потреблением алкоголя. Новоявленный герой одним движением бровей избавлялся от пивного брюшка, душил в корне комплекс неполноценности, безжалостно расправлялся с подростковыми прыщами, учился бриться топором, становился сенсеем всех ниндзя, покруче Ильи Муромца рубился двуручником и лихо гарцевал на коне. И все это он проделывал буквально за пару страниц. А дальше шло повествование о его сто одном подвиге и эпохальном, на четверть книги, сражении с главным злодеем. Стоит ли говорить, что его тоже отправляли спасать мир посредством розыска пропавшего на заре времен артефакта и его компаньонами в этом мероприятии становился пройдоха-оборотень или недоучившийся маг. Без того тернистый путь к спасению мира затруднялся истеричной принцессой, сбегавшей из отчего дома в поисках приключений на царственную задницу. По закону жанра наградой герою за спасение мира становилась резко поумневшая пресловутая беглянка. Тут в качестве бонуса можно было рассматривать то, что отец-король был, как правило, вдов и довесок в виде стервы тещи отсутствовал как класс.

Почти во всех книгах присутствовали сладкоголосые эльфы с непроизносимыми именами, тупые тролли с неизменной палицей, косноязычные гномы с всенепременно заплетенными в косичку бородами, вонючие гоблины, кровожадные орки, малая популяция оборотней, светлюбивые вампиры, неправильные демоны, загадочные дроу, мудрые драконы, озлобленный Темный властелин ну и, конечно, боги, втравившие героев в этот квест.

Поначалу я сокрушалась, почему все эльфы обязательно должны быть воплощением

мудрости, красоты и эталоном по вокальным данным, а гномы всегда угрюмые, пивососушие, агрессивные, косноязычные коротышки? Почему если тролль, то обязательно тупой? Если друу или черный маг, то в причинах его поведения всегда кроется подростковый комплекс? Если ты бог, то твой удел – смертная скука и козни несчастным смертным? Со временем я перестала терзаться такими вопросами, переведя их в разряд риторических, и с тупостью автомата ловила блох и убирала совсем откровенные роули в нетленках.

Я давно докурила и бездумно смотрела на ночной двор. Работать категорически не хотелось. Организм настойчиво советовал вытеснить воспоминания об отрочестве мыслями об отдыхе. Душа настраивалась на лирический лад, связанный с уютной кроваткой. Я уже практически решила бросить к чертовой матери прочтение бреда про Марию, как вдруг тишину спящего двора взорвало...

«Ой, мороз, мороз, не морозь меня, не морозь меня и моего коня!» – выводило вокальное трио из представителей мужского пола разной степени опьянения.

– Вот очень актуально в середине июля в задыхающейся от жары Москве слышать песню всех времен и народов. И откуда только силы берутся так горланить в четыре часа утра? – злобно пробурчала я про себя. Лирический лад был сбит, и мне пришлось возвращаться за работу.

«Ну-с, приступим...» – Мое злобство потеряло ручки и вперило взгляд в монитор.

На экране шло сражение. Все та же отважная героиня с небанальным именем Мария одним взмахом ресниц тысячами косила армию зомби с вкраплениями вурдулаков и всяких прочих кровососов.

«Syprastiniys tavegilius klaritiniys!» – на одном дыхании выкрикнула Мария. На миг на землю обрушилась оглушающая тишина, чтобы через секунду взорваться вспышкой световой ракеты».

«Ничего себе Машка их приложила-то», – присвистнул на заднем плане мой цинизм.

Что-то безумно неправильное было в написанных на исковерканной латыни словах. Я прочла их еще раз и свалилась со стула от дикого хохота. Сосискин испугано залаял, не понимая причины истеричного веселья. Я смеялась и не могла остановиться. Причиной ржача стали расшифрованные слова заклинания, произнесенного бравой Марией. Видимо, от автора ушла муза, устав терпеть его издевательства, и бедолаге ничего не оставалось делать, как использовать в качестве заклинания названия лекарств от аллергии. Работать, по понятным причинам, я уже больше не могла и поэтому с чистой совестью отправилась в ванную чистить зубы. Через несколько минут я уже лежала в постели и давала себе установку проснуться завтра не раньше полудня.

Глава вторая

Мне снилось, что, открыв балконную дверь, в мою девичью спальню шагнул Верховный мачо всех Аполлонов. Всякие там Джонни Деппы, Брэды Питты и субтильное нечто, играющее вампира в новомодной саге о кровососущих, нервно курили в сторонке. То, что я спала, не вызывало никаких сомнений. Потому как в природе не существует таких мужиков, представитель которых только что шагнул в мою комнату. Откуда он мог взяться в панельном доме одного из спальных районов, да еще и на последнем этаже? Такие, как он, водятся в мире богатых дяденек, холеных тетенок и на просторах совершенно других стран. Нет, если бы сейчас ко мне ввалился накачанный под завязку дешевым пивом сантехник, я бы сразу поверила, что это все происходит наяву, но шагнувший красавчик никак не тянул на пролетария в спецовке – следовательно, это мог быть только сон. Описывать его не буду, просто поверьте на слово – это была ожившая мечта всех нормально ориентированных женщин в возрасте от восьми до восьмидесяти и ненормально ориентированных мужчинок. Больше всего меня в нем поразили густые, черные, отливающие в синеву волосы и нереально синие глаза, в которых мелкие бесенята весело отплясывали джигу и задорно помахивали хвостами. В общем красота была настолько совершенна, что мне немедленно захотелось съесть лимон, чтобы отбить сладкий привкус во рту.

Чтобы не залить все одеяло слюнями и заодно обезопасить себя от раздробления коленки отпавшей челюстью, я резко села на кровати и подтянула ноги к подбородку. Мачо сделал еще один шаг и заплетающимся языком сказал:

– Привет, я пришел за тобой.

«Пьяный придурок, зарабатывающий на жизнь промышленным альпинизмом», – голосом Василия Уткина ехидно прокомментировала его заявление позевывающая логика.

«Угу, а где же тогда принадлежности для мойки окон?» – не менее ехидно отозвалась я.

«Ну, может, потерял по дороге к вершинам нашей многоэтажки», – выдвинул неожиданную гипотезу настырный внутренний собеседник.

«И вообще хватит привередничать даже во сне! К тебе такой мужик направляется, а вместо того, чтобы попытаться его обаять, ты все раздумываешь, как он попал к тебе в комнату», – подал голос мозг.

«Не иначе как на осле педальном слевитировал», – продолжала яростно огрызаться я.

Тем временем алкаш, дыша свежим перегаром, продолжал продвигаться по направлению к нашему с Сосискиным ложу. Насчет ложа я, конечно, соврала, спали мы на обычном диване-раскладушке, но во сне-то даже койко-место должно быть эстетически прекрасным. Видимо, запах перегара наконец-то достиг носа пса, и Сосискин начал ворочаться. Скосив глаза, я обратила внимание, что вместо того чтобы лаять, охотник за собачьим кормом смотрит на приближающегося товарища, выпучив глаза, и все больше и больше начинает походить на мопса. Вы когда-нибудь видели пучеглазых такс? Нет? Я тоже до сего момента, и уж поверьте, увидеть такое второй раз мне явно не захочется.

Что-то было неправильным в этом сне. То ли запах перегара, то ли странное поведение пса... Но все происходившее уже мало напоминало мне грезы. Достигнув меня, этот ходячий феромон, ласково улыбаясь, протянул мне свою правую руку со странной печаткой на среднем пальце. Печатка представляла собой миниатюрную шахматную доску с микроскопическими фигурками. Я обожала всякие нестандартные украшения, и,

естественно, такая вещь не могла пройти мимо моего внимания. Совершенно не думая о том, какое впечатление произвожу, я брякнула:

– Дашь цацку поносить?

«Ой дура... К тебе такой перец руки тянет, а ты думаешь, как у него выцыганить какую-то дешевую бижутерию, явно произведенную на какой-то подпольной фабрике руками китайских слепых и по эскизам вусмерть накурившегося опиума члена триады», – заголосила доля моя незамужняя.

От ее воплей я наконец-то очнулась, оторвалась от созерцания диковинки на пальце этого типа и подняла на него глаза. Сказать, что мужчина был ошарашен, – это ничего не сказать. Даже бесенята растерянно таращились на меня из его широко распахнутых глаз. Решив воспользоваться замешательством, я стала дожимать клиента:

– Ну дай поносить! Тебе что, жалко, что ли? – И, закрепляя успех, начала канючить: – Ворвался к слабой, незащитной девушке, похитил ее честь девичью, надругался над ее незащитным питомцем и теперь не хочешь в качестве компенсации морального вреда дать поносить совершенно тебе не подходящее колечко!

Эх, дожимать, так дожимать. Зря я, что ль, за компанию с подружкой прошла тренинг по курсу «Тысяча и один способ заставить человека купить абсолютно ненужную вещь». Очень кстати пришлось и знания, почерпнутые из книги «Искусство ведения допроса».

– Или давай печатку поносить, или тебе придется на мне жениться! – рявкнула я ошалевшему от всего происходящего визитеру.

«Мать, не переборщи! Напугаешь мужика и он впадет в агрессию. А оно тебе надо?» – заистерило чутье на неприятности.

«Молчи, убогое, дай во сне с мужика хоть что-то кроме его рассказов о стерве жене поиметь!» – заорала моя жадность.

Видимо, я это произнесла вслух, потому как поздний гость улыбнулся и сказал:

– Ты уж определись, сон это или не сон, – и протянул мне снятое с руки кольцо.

Я моментально сграбастала в свои ручонки вожденную вещь и, нацепив ее на указательный палец, начала приговаривать, как Горлум:

– Моя прэлесссть, наконец-то мы вместе, никому тебя не отдам.

Примерно через десять минут, устав от лицемерия своего перста, я вопросительно уставилась на все еще находившегося в моей комнате субъекта. В принципе он мне уже стал почти родным и за возможность поносить такую фенечку я готова была его еще немножко потерпеть.

– Теперь, когда столь милая твоему сердцу безделушка у тебя в руках, может быть, ты соизволишь пойти со мной? – абсолютно трезвым голосом проговорил лишенец побрякушки.

«Точно сон, моментально трезветь не удавалось еще никому», – констатировал мозг.

Сон не сон, а вот идти куда-то с Мистером Совершенство мне совершенно не хотелось. Дело было не в лени или страхе. Причина была более чем прозаическая: просто я предпочитала спать в мужских боксерах и старых футболках. Вот и сейчас на мне ниже талии красовались труселя со скелетами, воспроизводящими картинку из Камасутры, а верхнюю часть тела прикрывала рваная линялая майка с портретом Равшана и жизнеутверждающей надписью: «Начальнике – гамно». Согласитесь, на эротическое белье мой спальный комплект ну никак не тянул, и провоцировать психологическую импотенцию мне совершенно не хотелось.

– Э-э-э-э, мужчина, давайте вы первый, а я вас догоню, – со слезой во взоре протянула

моя стыдливость.

– Ну что вы, прекрасная невинная дева, показывать девушке тылы, да еще после того, как я над ней надругался, не в моих правилах, – усмехнулся денди.

– Ну, мне надо голову начесать, носик припудрить, надеть бальное платье, достать фамильные бриллианты. Не могу же я вот прям так, со сна, отправляться в путешествие с прекрасным принцем. – Я решила твердо стоять на своем.

«Выдавай блондинку!» – скандировал мозг.

«И намекни о карете!» – поддержала его лень.

– Полноте вам, какие могут быть церемонии практически между мужем и женой? – видя мои колебания, настаивал товарищ с балкона.

Я решила пойти ва-банк. Напустив на себя покаянный вид, голосом девочки-отличницы загнусавила:

– Понимаете, я не могу оставить своего престарелого любимца одного, он слишком стар и болен и, боюсь, не выдержит всех тягот пути.

Сосискин протестующее тянул меня за руку: уж на кого-кого, а на ветерана собачьего эротического фронта этот трехлетний низкорослый колобок ну никак не тянул, потому как, несмотря на свою упитанность, весьма лихо носился по двору за кошками и заигрывал со всеми проходящими дамочками собачьего племени.

– А мы возьмем его с собой, – припечатал настырный дядя.

Отмазок больше не было, и я с независимым видом откинула одеяло. Почти что муж меня поразил: я-то думала, он, как минимум, впадет в ступор от моего пижамного ансамбля, но он всего лишь невозмутимо хмыкнул. В конец обозлившись, я схватила Сосискина, впихнула в руки мачо и почапала с независимым видом по направлению к входной двери.

– Нам не туда, – поудобнее перехватывая ужас ветеринара, сказал гость и кивнул по направлению к балкону.

«Доигралась, сейчас тебя за твой поганый язык будут выкидывать с шестнадцатого этажа», – тяжело вздохнула жажда жизни.

«Где наша не пропадала!» – рявкнула гордость.

А я, повыше натянув боксеры, печатая шаг, как на плацу, отдернув штору, вывалилась на балкон и застыла в изумлении. Вместо привычного филиала склада забытых вещей со старым холодильником, сломанными лыжами, чахлой геранью и прочей рухлядью, передо мной клубились облака.

«Мля, вот так, наверное, выглядят райские кущи», – восторженно пискнуло чувство прекрасного.

Я стала озираться в поисках амурчиков, купидончиков, ангелочков и прочих жителей подобных мест. Сзади послышались какие-то звуки, в которых я узнала недовольное сопение Сосискина.

«Тяжело кобелю будет, если мы надолго здесь застрянем», – протянула моя совесть.

– Гринписа на тебя нет! – возмущено заорала ему и повернулась к идущему следом мачо.

Он заливисто хохотал, глядя то на пылающую негодованием меня, то на несчастного пса, который отчаянно хотел пометить новую территорию, но не мог по причине отсутствия в обозримом пространстве кустиков, деревьев и столбиков.

– До чего же ты забавная, Дарья. Пойдем, нас действительно заждались, – уведомил меня этот мучитель юных дев и животных.

Уверено сцапав меня за локоток, свистнув Сосискину, он наподобие адмиральского

крейсера шагнул в ближайшее облако.

«Он сказал: «Поехали!» Он взмахнул рукой!» – зашелся в предсмертном крике мой полностью отсутствующий музыкальный слух.

Пролетев буквально пару секунд, наша троица рухнула на лужайку перед беседкой в каком-то экзотическом саду.

«Картина художника, не помню как его там, «Не ждали», – выдал очередную сентенцию мозг.

Я же пристально рассматривала еще двух представителей погибели женского рода, вольготно развалившихся за столом в беседке и попивавших из запотевшего графинчика что-то, подозрительно напоминающее водку. И тут меня разобрала злость. Какой-то хмырь, пусть даже и во сне, утащил меня и мою практически диванную собачку для того, чтобы я развлекала трех нажравшихся мужиков!

«Ну, и как это понимать?!» – прошипела моя гневливость.

«Сейчас, я, кажется, буду кого-то жестоко карать!» – вторила ей жестокость.

Моя рука с угрожающего размера акриловыми ногтями целилась расцарапать лицо притащившему меня на этот сабантуй уроду.

– Успокойся, сейчас я тебе все объясню. Авриэльт! Д’ирхен! Заканчивайте пить, мы с Дарьей прибыли, – глядя в мое полыхающее злобой лицо, испуганно пролепетал мой провожатый.

– Жалкая попытка перевести стрелки, да, Сосискин? – вздернув нос, поинтересовалось мое оскорбленное самолюбие.

– Ага, сразу видно дилетант, – подтвердил пес.

После этой фразы я, мозг и все мерзкие части моего характера упали в обморок.

Пришла я в себя от приглушенных мужских голосов и жизнерадостного чавканья, раздававшегося практически над ухом. Рывком сев, я орлиным взором окинула место предполагаемого боя. В поле зрения сразу попал счастливый Сосискин, по самые уши зарывшийся в королевского размера таз с едой. А пресловутая троица увлеченно переругивалась за низкорослым кустиком метрах в пяти от меня. Решив пока повременить с трио бандуристов, я вперила свой гневный взор в своевременно закончившего поглощать калории пса.

– Ну и с каких это пор мы разговариваем? Что ж мы раньше молчали, стеснялись продемонстрировать свои таланты? – спросила язвительность.

Пес виновато потупился.

– Мы бы сейчас с вами, ошибка Павлова, по всему миру гастролировали, валюту бы зарабатывали. И трескали бы вы, ваше обжорство, не соевые сосиски, а пармскую ветчину да баварские окорока.

– Понимаешь, Дашк, я сам не знал, что умею по-человечески разговаривать, и, после того как впервые заговорил, тоже свалился в обморок. – Сосискин смотрел на меня глазами сиротки Хаси, но всю картину раскаяния портило выражение сытости на хитрой морде и непомерно раздувшееся пузо.

– Угу, ага, и поэтому, пришедши в себя, ты сразу затребовал таз жратвы? – Я была неумолима.

– Ты же понимаешь, Даша, после случая с лисой у меня расстроенные нервы, депрессия, и только несчастный кусочек колбаски может привести меня в бодрое расположение духа, – завил я хвостом Сосискин.

– Тоже мне симулянт на призывной комиссии, – презрительно фыркнула я.

– Как думаешь, мне это все снится или по-настоящему? – вылезло вперед желание докопаться до сути.

– С точки зрения трезвого рассудка, где ты видела говорящих псов? – тоном психиатра поинтересовался мой гладкошерстный друг. – Прости, подруга (обращение), но на таких, как ты, такие вот девичьи грезы в дорогостоящих прикидах никогда не обращают внимания, – добила меня трезвая оценка моих внешних данных.

– Камень прям с души сняли, утешители, блин, а то сама не знаю, как сейчас непрезентабельно выгляжу, – моментально огрызнулась в ответ я.

Тем временем троица, закончив переругиваться, строевым шагом направилась в мою сторону.

«А хороши стервецы, любуйся, дурочка, пока есть возможность», – подало голос либидо.

Полюбоваться действительно было на что. Если уж мачо в единичном экземпляре произвел на меня неизгладимое впечатление, то что говорить о тройном размере мужественности, сексуальности, брутальности и прочих «ностей», волнами расходившихся от направлявшихся ко мне парней?

– Прикольный расклад: брюнет с синими глазами, блондин с зелеными и светло-рыжий с практически черными. Как раз твои любимые сочетания, – закатился в смехе обожравшийся до метеоризма Сосискин.

«Ну что, отбросим пуританство и воплотим в реальность мечты?» – потеряли ручки эротические фантазии.

Но я отмахнулась от этих заманчивых перспектив, в упор смотря на вплотную приблизившихся казанов.

– Позволь тебе представить моих друзей: Авриэльт, – кивок в сторону рыжего, – Д'ирхен, – следующий кивок был адресован блондину. – Совсем забыл с этой суматохой представиться, Никэл, – закончил китайскую церемонию брюнет.

– Мы демиурги девяти миров, – хором пропели разбиватели сердец и крепких семей.

– Царь, очень приятно, царь, – кивала я наподобие болванчика. – И как это я, убогая, сразу не догадалась, что вы небожители, а не банальные олигархи-алкаши? Значит, так, яхонтовые мои, имена я ваши сроду не запомню, и поэтому ты будешь Ник, ты – Абрам, а ты – Димон. Всем все ясно? – Пока я говорила, мой палец нахально тыкал в грудь каждого из трех богатырей.

Троица застыла соляными столпами под залиvistый собачий лай, подозрительно напоминающий хохот гиены.

– Ой, не могу, мужики, не повезло вам, она пришла в себя и сейчас будет всем хамить и строить вас на подоконнике, – катался по травке, смешно болтая мясистыми лапами, распоясавшийся вконец хвостатый предатель. – Лучше налейте ей сто грамм боевых, для снятия стресса, и обеспечьте никотином, пока она не начала тут все крушить.

– Да-да, конечно, ты, наверное, напугана, и это твоя естественная реакция на обстановку... – не переставая кудахтать, сокрушался Ник, доставая из-под стола початую посудину, рюмки, банку огурцов, тарелку с колбасой и пачку сигарет.

– Перестань делать меня лучше, чем я есть на самом деле! И объясните мне наконец, что за чертовщина происходит?! – рывкнула я на пытавшегося проявить гостеприимство Ника.

– Понимаешь, Дарья, мы действительно демиурги девяти миров, все это тебе не снится, и мы пригласили тебя к нам, потому что вчера мы непроизвольно услышали твои мысли о

параллельных мирах, – лекторским тоном проговорил отмерший Абрам.

Я взглянула в его глаза, из которых на меня вдруг посмотрела вечность, налила себе из графинчика, лихо ткнула рюмку, налила вторую, выпила ее уже не спеша и жадно затянулась прикуренной мне Димоном сигаретой.

– Здравсте,...опа, новый год, – проскулил Сосискин. – Довыпендривалась, доехидничалась. Ну и как я тут размножаться буду. Тут же в округе ни одной сучки не фланирует! – Пес всегда стоял на страже своих интересов к дамскому полу. – И где ты тут найдешь мой любимый корм и свежие сосиски? А антиблошиный шампунь, а ошейничек против клещей, а плановые прививки?! – горестно повалился на изумрудную траву тот, кто ненавидел мыться, а в ветеринарной клинике завывал так, что некоторым врачам приходилось вызывать неотложку.

– Не переживай, Сосискин, если мы с тобой попали в параллельный мир, то нам с тобой скоро будет не до всех этих милых твоему трусливому сердцу глупостей. – Я пыталась задушить нарождающуюся истерику своего пекущегося о здоровье друга.

– Это почему? – не на шутку перепугался резко начавший пещься о своем здоровье и гигиене пес.

– Да потому, что тебя там, как особо упитанного, сразу схарчит какой-нибудь жуткий монстр, а меня всенепременно сначала утопят, потом колесуют и, чтоб уж наверняка умертвить без права возрождения в теле лягушки, сожгут на костре как злобную ведьму, – щедрой рукой отмерило ему радостей жизни мое злорадство.

По окончании этой тирады Сосискин закатил глаза и отбыл в очередной обморок.

– Ладно, добры молодцы, пока этот товарищ валяется в беспамятстве, предлагаю выпить и обсудить все по трезвости. – Я сделала приглашающий жест к столу. А что, мне не жалко, графинчик с закусью все равно не мои были, да и разговор пока не клеился. – Абраша, разливай, – вальяжно махнула рукой я.

Абрам споткнулся, Ник поперхнулся, а Димон подозрительно закашлялся. Пока парни были временно нетрудоспособны, я сноровисто разлила разряжающую обстановку влагу, провозгласив «За знакомство!», и внедрила в себя огненную воду.

– Между первой и второй перерывчик небольшой, – бодро гаркнула я, и за этим последовал очередной заход по рюмкам. Парни в полном обалдении следовали моему пагубному примеру. Не подумайте, что я какая-нибудь синявка привокзальная или там бомжиха со стажем, просто на трезвую голову рассуждать о всяких там девяти или девяносто девяти мирах я была не в состоянии.

«Прекрати убивать мои нервные клетки!» – истерично вопил мозг, но мне уже было все параллельно.

Алкоголь попал в кровь, и я наконец-то была готова к конструктивной беседе. Откинувшись на спинку стула, я благожелательно улыбнулась Абраму и изрекла:

– Абраша, комрад, что ты там вещал про миры?

– И продолжи, наконец, свои объяснения на тему моей скромной персоны! – сблагодарушничала моя внезапно начавшая хмелеть персона.

Димон в очередной раз закашлялся, но Абрам, видимо, тоже получил свою дозу расслабления и поэтому относительно спокойно попытался возобновить прерванную лекцию:

– Вчера мы встретились после долгой разлуки... – начал он фразу.

– ...И решили это дело вспрыснуть, – закончила за него я. – Как же, понимаем, классика

жанра, жены с детьми на дачах, бутылка на троих и сырок «Дружба» на закуску.

– Даша, не перебивай, так ты никогда ничего не узнаешь! – одернул меня Ник.

– Так вот, мы решили собраться на нейтральной территории, – укоризненно смотря на меня, продолжил Абрам. – Местом встречи мы выбрали как раз твой родной мир.

– А чем это вам так понравился мой мир? – Я испытующе вперила свой взор в неожиданных собутыльников и поближе подтянула к себе водку.

«Все, Остапа понесло», – констатировала скромность и сделала вид, что мы с ней не знакомы.

– Ну, в твоём мире пишется столько юмористических историй про другие миры, и только у вас делают такие замечательные по своей крепости напитки, – убито признался Димон.

– Ой! Не могу! Держите меня семеро! А как же знаменитое ароматное эльфийское? – пьяненько захихикало недоверие.

– Приторная гадость, – с убийственной честностью констатировал Ник.

– А гномий самогон?

– Слабоват, – уныло признался Димон.

– Ну, а разжигающий боевой дух орков эль?

– Слабогазированный квас против «Балтики-девятки», – тоскливо вздохнул Абрам.

– Да вы, ребята, как я погляжу, большие любители алкоголя, – голосом Геннадия Малахова подвел итог их признаниям иногда просыпающийся во мне здоровый образ жизни.

В ответ на мои слова ребята покраснели, а мне снова захотелось выпить.

– Так, Димон, ты назначаешься банкующим: тостовать! Так уж и быть, будет у нас непьющий Сосискин, а то культурное мероприятие превратится в бытовую пьянку.

– Ну, за величайшее изобретение Менделеева! – провозгласил раздувшийся уже от гордости вынужденный трезвенник.

– Я продолжу, с твоего позволения? – зачем-то уточнил у меня Абрам.

Наверное, думал, что я уже забыла, зачем мы тут собрались. Ха, наивный чукотский потомок первого оленевода, при желании я могла выпить довольно большое количество водки, и при этом мой язык не заплетался, мозг не терял контроль над телом, а печень моментально разлагала алкоголь, но в эту интересную особенность своего организма я никогда никого не посвящала. Зачем давать людям еще один повод для зависти? Только вот в этот раз хмель непривычно быстро начал гулять по крови, о чем меня честно предупредил весь организм, но я беспечно отмахнулась.

Дождавшись утвердительного кивка, Абрам продолжил:

– Отметив встречу и поделившись последними новостями, мы уже собирались покинуть твой гостеприимный мир, как вдруг мы, все трое, уловили твои мысли. Поверь, уже давно нас никто так не веселил. В последний раз это случилось, когда отправили одного вашего писателя в один из созданных нами миров.

– Вы его хоть назад-то вернули, весельчаки, блин? – пьяненько хихинуло любопытство.

– Конечно, вернули, он потом написал замечательную книжку, которую ты так любила в детстве, – успокоил меня Димон.

Тут в моей голове сформировалось смутное подозрение, и, возвысив голос, я поинтересовалась:

– Так, а трое придурков, певших под моими окнами, были случайно не вы?

Сосискин, услышав мой рык, попытался залезть под стол, но, как всегда, застрял и

тихонько начал подвывать от ужаса, а в наступившей тишине отчетливо послышалось мое гневное сопение.

– Мы, – покаялись небожители.

– Господи! Демиурги, распивающие на лавочке бухло и поющие русские народные песни! Кому сказать – не поверит, – присвистнуло удивление. – Ладно, вернемся к нашим баранам. – Мой указующий перст уткнулся в сторону заметно побледневшего Абрама. – Я уже поняла, что вас привлекла моя нетривиальная личность, подслушанные вами мои обывательские мыслишки, но зачем было меня сюда вытаскивать?

– Даша, ты лучше вышей, потому что продолжение тебе явно не понравится, – почему-то прошептал Ник.

– Не фига девушку спаивать, а то она напьется, расслабится – и вы ей сообщите, что она выпала с балкона, – прям зашла в негодование я.

– Что ты! Ты жива и вполне здорова. Просто мы решили отправить тебя в путешествие в один из наших миров и посмотреть, как ты будешь избегать канонов фэнтези, – замахал руками, как ветряная мельница, Абраша.

– Мери-Сью решили из меня сделать? – Я злобно зашипела и стала озираться в поисках колюще-режущих предметов. – Поубиваю, как Лукашенко демократию! Порву на пазлы! Заставлю сожрать все собрание сочинений Дарьи Донцовой на голодный желудок и без запивки! – Проорав жизнеутверждающие обещания, я ринулась на опешивших демиургов.

Гонка вокруг беседки продолжалась минут двадцать. За это время Сосискин успел вылезти из-под стола, прогуляться по нему, опрокинуть банку огурцов и уснуть от обжорства. Когда я практически достигла Димона и протянула руку, чтобы схватить его за волосы, меня вдруг кто-то обхватил сзади.

– Прекрати вести себя как истеричка и подумай об открывающихся тебе перспективах!

По голосу я опознала Ника, но чисто из вредности продолжала тянуть руки к удаляющейся от меня шевелюре, грозно вопя:

– Какие, к черту, перспективы? Быть вам троим штатным клоуном или наладить в подведомственном вам мирке самогонварение?!

– Нет, увидеть действительно другой мир и познакомиться с его жителями, – голосом змея-искусителя прошептал Ник мне в затылок. – Сама подумай, где ты еще сможешь увидеть то, о чем ты так много читала и на что мечтала хоть одним глазком взглянуть?

Он продолжал нашептывать мне на ухо о заманчивых картинках неведомых далей, а я стояла и думала: а почему, собственно, и не посмотреть, да еще и на халяву, что-то действительно необычное? Устроить себе отпуск не в какой-нибудь русифицированной Турции, а в настоящей сказке? Но, из чистой вредности, я решила просто так не сдаваться и выторговать себе как можно больше предпочтений.

– Ник, можешь меня отпустить и проследовать за мной за стол переговоров. – Гордо задрав нос, я вошла в пресловутую беседку. Через пару минут села за стол и стала в упор разглядывать расположившихся напротив меня визави. Так и хотелось поправить на переносице пенсне, направить им в глаза лампу и вытрясти из них правду. Сделав зверское лицо, я начала колоть демиургов.

– Так, господа, а теперь внятно, четко и без вранья расскажите мне, в чем заключается подвох, и что я поймею с этой экспедиции. Иначе наше сотрудничество закончится, так и не успев начаться.

«Можешь, мать, взять быка за яй... ой, за рога», – восхитился вышедший из подполья

МОЗГ.

– Никакого подвоха нет, просто нам хочется понаблюдать за человеком, вырванным из привычной обстановки, а не следить за его приключениями по книжкам, – подозрительно отводя кристально честные глаза, начали лопотать подозреваемые.

Ох, мужики-мужики, вам хренова туча лет, вроде как творцы миров, а врать женщинам до сих пор не научились. Ни одна из нас, прошедшая суровую школу жизни, никогда не поверит, что мужчина ей может предложить что-то просто так. Мы все давно прекрасно знаем и про сыр, и про то, что залезть на елку, не повредив задницу, еще никому не удавалось. Поэтому сделаю вид, что я вам поверила, а сама буду думать о запасных аэродромах и путях отступления через огороды.

– А много вас, тварюг миров? – хищно осклабилась я прямо в их божественные лица.

– Хватает, – попытался увильнуть от ответа Димон.

Но этот ответ меня абсолютно не удовлетворил, потому как меня терзали смутные сомнения, что мою личность банально подписывают под участие в реалити-шоу «Последняя дура Вселенной». Я продолжала сверлить Димона взглядом на манер дрели.

– Больше тысячи, – наконец-то сдался этот крепкий орешек.

– Ну и сколько процентов поставят на меня? – уточнила я, лениво прищурившись.

– Как ты догадалась? – потрясено выдохнули все трое.

– Элементарно. Детишки, слишком уж у вас глазки бегали, а у Абрашки губки шевелились, не иначе как барыши уже подсчитывал! – Я открыто смеялась.

– Ну что, господа, обсудим условия игры? Составим контракт и уточним размер гонорара моей хозяйки? – вставил свои пять копеек Сосискин.

Вот за что я уважаю своего пса, так это за то, что он всегда определяет, кто может ему потихоньку дать кусочек со стола, и за то, что он моментально оценивает выгоды в любой ситуации. Сдается мне, в его роду помимо чистокровных такс затесалась все же какая-то прожженная дворняга.

Ну а дальше началось веселье: мы, с пеной у рта и со стопкой в руке, спорили, в какой мир меня лучше отправить, что я могу взять из снаряжения, кто мне будет помогать, а кто вредить, сколько по времени будет продолжаться моя миссия, и т. д. и т. п. Наверное, мои печень и мозг все-таки взяли выходной, потому что в результате дебатов мне не досталось никаких магических сил и способностей, кроме как способностей к языкам и знания лечебных травок. Мир был определен как самый обычный: с эльфами, гномами и прочими фэнтезийными персонажами, а миссия заключалась, естественно, в его спасении от какого-то злодея со скамейки запасных, да еще в качестве обузы мне был навязан не поддающийся никаким диетам пес. Единственное, что меня радовало, это размер гонорара в виде экзотического острова в Карибском море, неприлично большого счета в швейцарском банке и возможность посещать, когда мне захочется, любой из девяти миров. Как только все вопросы были согласованы, мне подсунули на подпись какой-то свиток, а Ник потребовал у меня свое кольцо. Ох, как тяжело мне далось расставание с этим колечком! Наверное, Ярославна меньше пролила слез над погибшими воинами, чем я, пока стаскивала его со своей руки.

– Ты что, дал ей свое кольцо творца? – выдохнул Димон.

– Дал, иначе она ни в какую не соглашалась со мной пойти, а ты же знаешь, по условиям игры, участник должен последовать за мной добровольно, – прошептал Ник, думая, что я его не услышу.

Я быстро кинула взгляд сначала на руку Димона, а потом на культияпку Абрашки. На руке первого вдруг проявилась печатка в виде колоды карт, а на руке второго закрутилось миниатюрное колесо рулетки.

«Дура, проворонила такие перспективы!» – зарыдала в голос жадность.

«Цыц, сорока! Она могла натворить с этим колечком неизвестно что», – прикрикнул на нее здравый смысл.

– Ничего, ничего, моя брюнетистая зараза, я еще припомню тебе мой облом с колечком! Отольются тебе мои слезки! Дал на пять минут поносить и тут же отнял, жадина противная! – расстроенно хлюпая еле слышно прошептала я себе под нос.

– Придет весна, увидим, кто где гадил, – поддержал меня Сосискин.

Конец застолья помню отдельными кадрами. Вот мне устраивают экскурсию в каждый из миров. Вот мелькнула передо мной борода какого-то субъекта, которую я держала в своем кулаке. Вот замызганный кабак, в котором на балалайке бренчит тягомотнейшую мелодию ролевик-менестрель, а я в него мечу пивную кружку. Вот я в пещере с горой золота и меня тошнит на лапу ящерице-переростку. Вот мы в моей квартире, и я, по мере своих пьяных сил, собираю походный рюкзак, а Сосискин сверху укладывает свою подстилку. И наконец-то благословенная темнота...

Глава третья

Проснувшись я от ощущения жуткого сушняка и общего недомогания организма. Провалившись еще немного в кровати и повздыхав, что возле меня не материализуется стакан с водой, я собрала всю волю в кулак и села.

– Б... – вырвалось из измученной жаждой глотки.

Картина, возникшая перед глазами, радовала своим сюрреализмом. Представьте себе песчаный берег с золотистым песком, на который неспешно накатывают синие волны моря. Представили? А теперь представьте, что на этом пляже находится диван, рядом с ним стоит любимое мамино кресло, в котором на спине дрыхнет такса. Чуть дальше блестит зеркалами шкаф-купе и сиротливо жметесь туалетный столик. За низкой стенкой, представляющей собой барную стойку, не пойми на чем держащиеся, как Брестская крепость, стоят кухонная мебель и холодильник. Завершающим аккордом выступают отгороженная китайской ширмой душевая кабина, джакузи и раковина. И все эти предметы находятся внутри огромного шатра. У линии прибора мой похмельный взор обрадовали кресло-качалка, с накинутым на него клетчатым пледом и стеклянный столик на колесиках с нехилым набором бутылок. Метрах в десяти от кресла-качалки и импровизированного бара мой измученный мозг веселили: пластиковая мебель с торчащим из стола зонтом с надписью «Старый мельник», мангал, холодильник с напитками и огромный холодильник-прилавок со всякими овощами-фруктами и синенькая кабинка. Сдается мне, данная инсталляция знаменует собой приход чего-то белого и горячего.

– Никак очнулась? А еще говорят, что сны алкоголиков тревожны и непродолжительны, – раздался голос со стороны кресла.

Я испуганно оглянулась и уставилась на укоризненно смотрящего пса.

– Только давай без истерик, – произнес он и отправился неспешной трусцой по направлению к холодильнику.

Все, допила. Ждут меня суровые санитары, ледяной душ и врач-нарколог.

– Дашк, ну чего застыла. Иди меня кормить! Сама ж знаешь, война войной, а обед по расписанию, – проскулил вечно голодный пес.

Едва переставляя ноги, я доковыляла до холодильника и достала батон колбасы. Ситуация уже не так меня пугала. В конце концов, нам, сильно пьющим и поймавшим «белочку», удивляться нечему: подумаешь, говорящий пес и работающие на берегу моря холодильники. Все даже не так плохо. По крайней мере, зеленые черти не мерещатся.

– Дашка, ну давай иди уже умывайся, и будем завтракать. Или тебе кусок в горло не лезет?

– С таксами-глюками не спорят, да и умыться не помешает. – Сама себя уговаривая, я прошмурыгала к раковине, попутно включив чайник. Такой мелочью, как идущая не пойми откуда вода, меня уже было не пронять. Через пять минут я уже сидела за столом и пила кофе. Происходящее было настолько реалистично, что я начала сомневаться в своей ненормальности и мне жутко захотелось понять, что произошло. Как там говорил классик: «Будем ждать проблесков памяти или сведений со стороны». После принятия порции кофеина и последовавшей за ней затяжки (что ни говори, а кофе и сигареты весьма стимулируют работу мозга) я начала вспоминать вчерашнюю ночь. Картина бесчинств с тремя убийственно красивыми мужиками убедила меня в том, что происходящее не

приснилось и на море каким-то образом оказались часть моей квартиры и другие вещи. Но, хоть убейте меня, каким образом все это здесь оказалась, было тайной, покрытой мраком. Я же помню, как собирала рюкзак и причиндалы собаки, а теперь вместо сиротской котомочки я вижу практически дом родной. Надо было как-то попытаться заполнить провалы в памяти.

– Сосискин, давай я лягу в этот чудесный тазик с пузырьками, налью себе шампанского, стоящего в холодильнике с Нового года, буду предаваться релаксации, а ты мне расскажешь то, чего я не помню?

– Ветчину! Или я буду молчать как рыба об лед! – нахально твякнул коротконогий вымогатель.

– Черт с тобой, мой невоздержанный дружок, будет тебе и ветчина, и колбаса, и какава с повидлой, тока, ради бога, объясни мне, что тут делает вся эта мебель!!!

Закончив орать, я достала псу ветчину, а себе бутылку шампанского и, сев в джакузи, приготовилась внимать откровениям очевидца событий. Пока наливалась вода, открывалась шипучка, снимался пижамный костюмчик, пес закончил поглощать ветчину и наконец-то приступил к рассказу. По ходу повествования мои и без того торчащие волосы становились дыбом. Оказывается, идея собрать в поход мой туристический сидор погибла примерно через две минуты после начала сборов. Заявив, что я сама не знаю, что мне потребуется в походе, угрожая физической расправой, заставила Димона перенести в этот мир все свои вещи.

– Сосискин, я понимаю про шкаф – там мои шмотки. Но на хрена я кухню со всеми причиндалами притащила? – растерянно пролепетали в ответ на это мои непонятки.

– Да все просто, подруга, ты заявила, что утром я проснусь в незнакомой обстановке, перепугаюсь того, куда делся мой родной холодильник, и у твоего любимца может быть шок. Короче, ты наотрез отказалась куда-то идти без чашки кофе и не покормив меня, – поспешила меня утешить ушастая зараза.

– Пьяная, пьяная, а о тебе, мой низкорослый друг, не забыла. Цени, как тебя хозяйка любит. – Я повыше задрала нос и хлебнула газировки на дрожжах.

– Ха, не забыла, – начал возмущаться пес. – Да у тебя мышшь в холодильнике повесилась. Если бы я не настоял на походе в магазин, то сейчас бы с голоду умер.

Я нервно икнула.

– Мы что, вчера еще ходили в магазин?

– Не-а, ты в этот момент шепталась с фарфоровым другом, а мы с мужиками совершили налет на соседний супермаркет, – лениво протянул пес.

Я представила трех пьяных мужиков и одну таксу, в масках и с оружием грабящих магазин, и пришла в ужас.

– Сосискин, ты что, тоже участвовал в налете? – осторожно уточнило мое нежелание светиться перед правоохранительными органами.

– Что я, дурак так палиться? Меня каждый в нашем районе знает. Я на шухере стоял, – успокоил меня начинающий налетчик.

Уже легче. Я не скрывала облегчения. Таскать передачи в собачью тюрьму мне совершенно не хотелось. Хотя у нас таких тюрем нет. Но знать о том, что твоя собака встала на скользкий путь преступника, тоже не слишком сладко.

– Ладно, с этим понятно. А на фига ты припер мамино кресло? Она ж нас кончит за него!

– Здравсьте, приехали! Я припер? Ты посмотри на мои лапки! Что они могут припереть? Это ты, мать, его лично тащила и приговаривала, что мне пора приучаться спать одному,

терпеть тяготы и лишения в пути, – обижено сказал пес и скорчил слезливую морду.

– Хм, ну вообще-то тебе правда пора спать одному, ты уже взрослый кобель.

– Аха! А если мне приснится та ужасная лиса? Совести у тебя нет. Злая ты, Дашка. Не буду я тебе ничего рассказывать даже за кусок докторской колбасы, – вконец разобиделся Сосискин.

Пришлось начать подлизываться и пообещать, что после ванной я всенепременно скормлю этому вымогателю триста граммов варенки. Когда мир был восстановлен, я поинтересовалась:

– Откуда взялся этот роскошный банный комплекс? Вроде ванная комната у нас самая обычная и в супермаркете за углом вроде как таким добром не торгуют. Ты что, еще участвовал в ограблении магазин, торгующего сантехникой?

– Не-а, – засмеялся пес. – Мадам Козьявкина, вы все это богатство лично отбирали в каком-то дорогом бутике по сантехнике.

Приплыли. По ходу пьесы, это теперь моя семья и пес будут носить мне передачи в тюрьму. В общем, зона теперь мой дом родной.

– Да не парься ты, – глядя на мое убитое лицо, утешил меня пес. – Магазин был в Италии, так что если сядешь, то в заграничную тюрьму, а если покаешься, то пару лет тебе скостят, – вовсю уже издевался Сосискин.

– Черт с ней, с Италией. Откуда здесь кресло-качалка с дачи и эта синяя будочка? Я что, вчера появилась в таком виде перед родителями на даче? И вообще с какой стати мне захотелось кресло-качалку?

– Все, мать, отныне ты в глухой завязке. Какие родители, когда это я летом оставался с тобой в городе, вместо того чтобы наслаждаться жизнью на природе? – театрально запричитал актер погорелых провинциальных подмошков.

Опа, у Сосискина началось очередное сольное выступление. Теперь, чувствую, одной докторской не обойдешься. Сдается мне, сейчас начнется заход на тему куриного фарша.

– Вспоминай, пьянь несчастная, где твои родители? – завизжал он и тем самым подтвердил мои самые худшие подозрения.

Для усиления мыслительного процесса я налила себе еще шампанского и после пары глотков вспомнила, что неделю назад предки свалили на месяц к друзьям в Испанию. От осознания того, что я не упала в грязь лицом перед родаками, сразу стало спокойно, а может, шампусик на душу хорошо упал. Попререкавшись с псом пару минут, я выяснила, что, увидев море, мне захотелось воплотить свою давнюю мечту, в которой фигурировали кресло-качалка, плед, шотландское пойло и трубка. Интересно, откуда мог всплыть такой декаданс? Вопрос, как говорится, риторический.

Далее мой пес во всех красках расписал похищение синей кабинки с участка председателя садоводческого кооператива. Видимо я, как и все дачники, на генетическом уровне ненавижу всех председателей кооперативов, потому что лично мне наш глава садоводов ничего плохого не сделал и воровать у него абсолютно ни разу не использованную кабинку было верхом цинизма.

– Не сокрушайся ты так, Абраша сказал, что председатель сам спер эту кабинку со стройки, где он работает начальником охраны, – утешил меня Сосискин.

– Столик, стулья, холодильник и мангал – это соседнее кафе? – на всякий случай уточнила я.

Пес подтвердил кивком.

– А лоток с фруктами – это все тот же супермаркет, – предупреждая мои вопросы, добавил он.

– Ну, в общем-то, ничего страшного не произошло, пострадавших от нашей экспроприации не так уж и много, да? – заискивающе глядя в его глаза, залепетала моя совесть.

– Не совсем, – ответил Сосискин и почему-то начал пятиться от меня. – Ты только, Даш, не волнуйся... Вон шампанского глотни, – засуетился пес.

Но дрожжи упали на старые дрожжи, и поэтому мне уже было все равно.

– Ладно, давай колись, что мы еще вчера натворили?!

– Да ничего! Вы просто сюда притащили весь аквапарк с турецкого курорта и казино из индейской резервации, – рубанул сплеча правду-матку пес.

– Врешь? – Я с надеждой посмотрела на сжавшегося друга.

Он виновато покачал головой.

– Где эти, где эти... аквапарк и казино? – Я смогла выдавить из себя только хрип.

– Как выйдешь из шатра, метров пятьсот дальше по пляжу, – пролепетал Сосискин.

– Отвернись! – рывкнула на пса я, рывком встала из джакузи, запахнулась в полотенце и пулей вылетела из шатра.

Пролетев как метеор по берегу, я с разбегу села на пятую точку. Сосискин не врал, а пострадавшая задница услужливо напомнила мне все водяные горки, которые она прочувствовала несколько лет назад. Передо мной находился парк водных аттракционов, стоявший ранее в Анталии. В мое плечо уткнулся влажный нос.

– Ну ладно тебе! Ну подумаешь, захотелось тебе покататься на горках. Ну не казни ты себя так, – жалобно скулил мой друг.

Я тяжело вздохнула.

– А казино-то мы зачем уперли, да к тому же и у индейцев? Не могли из Лас-Вегаса ничего стоящего упереть?

– Могли, но ты сказала, что там все слишком большое и это будет портить тебе вид, – еще тяжелее вздохнул Сосискин.

– Вот и сбудется еще одна моя мечта: я наконец-то побываю в настоящем американском казино. Жаль только, за ее исполнение мне дадут пожизненный срок, – сфальшивила я.

– Да не переживай ты так, Дашка! Ребята сказали, что вернут все так, что никто ничего не заметит, – глядя на меня кинулся утешать меня друг.

– Никто ничего не заметит?

– Никто.

– Ха, жизнь-то налаживается, мой толстопузый дружок! – Я, радостно пропев, вскочила и полетела назад в шатер.

Распахнув шкаф-купе, я начала увлеченно рыться в его недрах в поисках купальника.

– Сосискин, ты только представь, какие перед нами открываются перспективы: у нас с тобой (заметь, на дармовщинку) есть и аквапарк, и свое казино! Правда, не знаю, зачем оно мне, я вроде как не азартная, – вещала я, выкидывая на пол вещи.

«Жаль только, на банане и на водном скутере никто не прокатит», – уныло констатировало желание покрасоваться фигурой, но его нытье заглушила фраза, пролившая бальзам на мою совесть:

– А казино не ты захотела, а мужики, так что не казни себя.

– Во, тем более не наш косяк, так что релакс, мой юный друг. – Насвистывая, я заставила

свою совесть окончательно заткнуть.

Наконец купальник был найден, надет – и я стала любоваться отражением в зеркале. По большому счету, любоваться было нечем. Синюшный цвет тела мало гармонировал с окружающей обстановкой. Ничего, через пару дней тушка приобретет ровный южный загар, организм насытится озоном и витаминами – и тогда, может быть, я отправлюсь в дальнейшее путешествие, если, конечно, захочу. Где это четко прописано, что именно я должна искать главного подонка, а не этот засранец должен прийти ко мне? На всякий случай надо уточнить у Сосискина, куда я дела вчерашнюю кабальную расписку. Остался только один вопрос:

– Скажи мне, герр такса, на кой черт я приперла кактус, что стоял у компьютера? – Я кивнула на спинку дивана, на которой торчала колючка.

– Ну, ты заявила, что еще не знаешь, какая радиологическая обстановка в этом мире, а кактусы, как известно, глушат всякие там негативные волны, вот ты его и принесла. И вообще хватит уже дурацких вопросов! Пойдем лучше на море, – нетерпеливо протянул Сосискин.

Остаток дня мы провели с пользой: я купалась, загорала, ела фрукты, каталась с горок, гонялась за Сосискиным по пляжу, жарила шашлыки, пила пиво. А вечер... Вечер я провела так, как, видимо, давно мечтала: сидела в кресле-качалке, укутавшись в плед, попивала виски, покуривала трубку и смотрела на закат.

Глава четвертая

Время летело незаметно. Целыми днями мы с Сосискиным вели роскошную жизнь бездельников. Плавали в море, валялись на песочке и не разрушали себе мозг мыслями о предстоящем походе за мир во всем писе. Я выводила токсины из организма, а обнаглевший в конце пес потреблял исключительно мясо, приготовленное на мангале. По вечерам мы с ним гордо шествовали в казино, где я играла в однорукого бандита и сама с собой в рулетку, а он шнырял под всеми столами в поисках чего-нибудь интересного лично для него. По ночам я садилась в кресло-качалку, брала пса на колени, и мы любовались незнакомыми звездами и лунными дорожками от трех лун, светивших в небе. К исходу второй недели курортного времяпрепровождения я плескалась в море на надувном матрасе и лениво терзала себя вопросом: «Побрить мне ноги или нет?», а Сосискин валялся где-то на песке. Вдруг мое уединение было нарушено мерзким кашлем, раздавшимся с берега. Попец сразу почувствовал неприятности, а я тоскливо подумала о том, что наверняка явился обладатель этого куска рая и сейчас с ходу начнет кидать в лицо всяческие претензии по поводу самовольной застройки. К несчастью, вместо одного хозяина, на берегу, грозно сверкая очами, материализовалась картина «Три богатыря» в виде троицы разъяренных мужиков. Черт, день так хорошо начинался. И надо же было такому случиться, что прибыли эти три поросенка. Нет, все-таки есть что-то свинское в мужиках, вот так припереться неожиданно и все испортить! Прятать голову в песок от неприятностей я была не приучена, поэтому быстро подгребла к берегу и выжидательно уставилась на демиургов.

– Ну и как это понимать?! – раздувая ноздри, прошипел Абраша.

«Ого, а голосок-то прям как у Каа, – захихикала моя стервозность. – Сейчас, поди, зашипит: «Вы слышите меня бандерлоги?»»

– В смысле? – Я попыталась сделать невинные глаза.

– Мы тебя зачем сюда отправили? – начал подпевать Абрашке Димон.

– Ну, вроде как на партздание. Вот по мере сил и способностей мы с моим отважным другом, готовимся к нему, – автоматом включилась дурочка.

– Можно поинтересоваться как? Путем поедания сосисок и распития пива на морском бережку? – включился в разборку Ник.

– Обидны ваши слова, гражданин начальник. Мы укрепляем мышцы длительными заплывами и утренними пробежками вдоль пляжа, – подоспел на помощь мне пес.

– Кстати, не хотите ли искупаться? А я пока шашлычка пожарю. Прям как сердцем чувствовала, что гости дорогие к обеду будут, вчера замариновала, – хлопая глазками, засуетилась моя гостеприимность.

– Ты что, издеваешься над нами?! – провыл Димон и потянул ручонки к моему горлу.

Тело сработало автоматически, и красивым броском через бедро я отправила его в полет.

«Все, сейчас точно будут убивать», – тоскливо заныл организм.

А я рванула по направлению к казино. «Только бы успеть, только бы успеть туда проскочить и затеряться в какой-нибудь подсобке», – стучало набатом в голове. Адреналин бушевал в крови, в ушах свистел ветер, я почти достигла вожделенной двери, как со всей скорости впечаталась в неизвестно откуда взявшегося Ника.

– Может, пулечку распишем? – пролепетало мое запоздалое чувство самосохранения.

Судя по тому, как он побелел, предложение сыграть в преферанс было ошибочным.

– Ты, выкормыш виерны, отрыжка тролля, кошмар всех живущих! Ты что себе позволяешь?! Мы на тебя понадеялись, а ты, вместо того чтобы выполнять свою часть сделки, устроила себе каникулы Бонифация! – заорал Ник дурниной.

«Да, парнишка совершенно не умеет выражать свои претензии доступным языком», – разочаровано протянула моя наглость.

«Это он зря на личности перешел», – философски заметило хамство.

Вот чего я не люблю, так это когда на меня повышают голос и пытаются оскорбить. За его плечами тысячелетняя жизнь, а за моими пятилетняя стройка детского сада под окнами и соседний круглосуточный магазин. Когда к нам подбежали остальные, я трясла Ника за грудки и во всех подробностях просвещала его на тему, кто он, его родители, знакомые, и рассказывала о том, что он является ошибкой чьей-то ночи. Еще пару минут мы все увлечено ругались, плевались, шипели, грозили друг другу небесными и не очень карами – одним словом, вели мирные переговоры.

– Все, пар спустили? Можно теперь сесть и наконец-то спокойно поговорить, а заодно и поесть? Пока вы тут орали, я успел проголодаться, да и мясо перемаринуется, – подал голос позевывающий Сосискин.

Четыре разъяренные физиономии уставились на виляющего хвостом паршивца. Пришлось признать, что ори не ори, а ситуация от этого не изменится, если только меня прямо сейчас, практически с фиговыми листочками на пикантных местах и с лохматыми ногами, не перенесут на какой-нибудь местный тракт. Следовательно, пока меня еще, как диверсанта, не выкинули за линию фронта, надо успеть переодеться, поесть самой и покормить пса. Как известно, пока мужик голодный – он злой, поэтому сперва надо набить ему живот, а уж потом можно брать клиента голыми руками. Да и оружие демиурги – это семечки по сравнению с требующим своей законной порции Сосискиным. Пока я принимала душ и переодевалась, три фурии мужского полу разожгли мангал, нажарили шашлыка и с видом инквизиторов поджидали меня за накрытым столом. Стоит признать, что Ялтинскую конференцию наш обед слабо напоминал: все сосредоточенно жевали, сопели и не спешили начинать разговор. Наконец я сыто откинулась на спинку стула и, решив, что клиенты уже не целятся мне в глаз вилками, поинтересовалась:

– А из-за чего, собственно, весь сыр-бор?

Как и предполагалось, с обвинительной речью начал выступать Абраша:

– Даша, мы пошли тебе навстречу, когда ты пожелала доставить сюда свои вещи, дабы подготовиться к походу. Мы не возражали обеспечить тебя на день развлечениями – действительно, тебе надо было пару дней отдохнуть. Но мы никак не ожидали, что твой отдых растянется на две недели!

– В настоящее время все обеспокоены тем, когда же ты выдвинешься и наконец-то соизволишь заняться тем, ради чего тебя перенесли в этот мир, – поддержал его нытье Ник.

– Мы долго ждали, когда ты позовешь нас, чтобы получить инструкции и ознакомиться с обитателями этого мира, и не беспокоили вас, но когда ты и сегодня собралась прохлаждаться, наше терпение иссякло, – резюмировал Димон.

«Ой, какие мы нетерпеливые! У вас впереди прорва времени, а у меня это, может, первый нормальный отпуск за последние пять лет», – прокомментировала обвинительную речь моя хроническая усталость.

Как известно, лучшая защита – это нападение. Я не стала теряться и пошла в атаку:

– Где написано, что я должна немедленно выдвигаться?

– Как это где? В заключенном между нами контракте! – возмутился Абраша.

– Сосискин, принеси эту цидулку! – Я царственно протянула руку к псу.

Он пулей метнулся к своей подстилке и начал что-то увлеченно выкапывать из-под нее. Есть у него дурацкая манера пожевать и спрятать что-нибудь жутко мне нужное у себя под койко-местом. Вот и сейчас он вытащил пожеванные листы бумаги и притащил их в зубах с видом пройдохи-адвоката. Брать в руки то, что еще недавно было вроде как серьезным документом, пришлось мне, потому что мои наниматели брезгливо скорчили физиономии, всем видом давая понять, что скорей отрубят себе конечности, чем возьмут в руки контракт.

– Ну-с, почитаем. – Я с важным видом углубилась в чтение.

Честно говоря, я делала вид, что что-то увлеченно изучаю, потому как еще в первый день пребывания на морях мы с Сосискиным досконально изучили контракт, и там действительно не было ни слова о том, когда я должна немедленно начать двигаться в сторону злодея и когда обязана призвать демиургов для получения вводных данных. Через две минуты увлеченного дуракаваляния я передала контракт Абраше и ангельским голосом попросила уточнить, где указаны мои обязанности по соблюдению каких-то сроков.

– Ну как же, вот смотри: тут указано, что ты обязана незамедлительно отправится в поход против Темного лорда и в случае возникновения необходимости призвать нас для разъяснения тебе обстановки в мире Лабулэлирт Диравриникэ, – деловито хрустнул пальцами демиург.

– Ха, делаша. – Я мысленно усмехнулась. Чему-чему, а читать контракты и отстаивать их положения я научилась в своей редакции. Кто сталкивался с писателями, тот знает, как тяжело их заставить соблюдать сроки сдачи рукописи. Поэтому всякие обтекаемые моменты, такие как «немедленно» и «в случае возникновения необходимости», давно трактовались мной совсем не в пользу бедных.

– Уважаемый Абрам, а кто мне, собственно, сказал, что именно этот мир – Лабуда? Ни я, ни мой достопочтимый друг не помним, чтобы кто-то из вас называл этот райский уголок Лабудой, – скалясь во все зубы, пропела моя светлость.

– Лабулэлирт Диравриникэ, – угрожающе произнес Димон.

Я огрызнулась:

– Один хрен, не запомню, так что не сокрушай воздух и не перебивай девушку, разве мама тебя не учила, что перебивать людей невежливо?

Димон страдальчески закатил глаза, а я продолжила:

– Во-первых, ладно, я была не вполне трезвая, но мой непьющий товарищ тоже не знал об этом. Следовательно, никто из вас не произносил название этого мира при нас. Во-вторых, незамедлительно – это не значит завтра, послезавтра, после дождика в четверг, это, друг мой ситцевый, каждый решает сам для себя, что для него незамедлительно. Тебе незамедлительно – это может быть сегодня, а мне – через год. В-третьих, мы сидели и ждали, когда же это у вас наконец-то проснется совесть и вы нам подробно объясните, какая тут обстановка на геополитической карте мира.

– Ну ты и наглая! Нет, я впервые встречаю такую наглость, – восхищенно произнес Ник. – Ты, вместо того чтобы извиняться, сидишь и говоришь создателям этого мира, что они лохи и сами облажались! Нет, мы действительно не ошиблись в тебе, – закончил дифирамбами брюнэт.

– Наглость – наше все, на том и стоим. – Я привстала и изобразила шутовской поклон.

Но что-то мне подсказывало, что, пока они малек выбиты из колеи, нужно сматываться. Изобразив печать озабоченности на лице, я деловито изрекла:

– Ладно, как сказал Неру, надо знать меру. Дайте мне полчаса на сборы – и мы с Сосискиным выдвинемся на заданные позиции.

Через отведенное время я закончила паковать рюкзак и набивать две сумки продуктами, Сосискин свернул носом свою подстилку и принес ее ко мне, а творцы щелчком пальцев убрали с берега весь караван-сарай. Досада от окончания отпуска грызла мою душу, и поэтому от предложения рассказать, кто живет и что происходит на этой долбаной Лабуде, досадливо отмахнулась и проинформировала, что свяжусь с командованием, как только увижу первый населенный пункт. Видя мое нежелание идти на контакт, троица без всяких спецэффектов испарилась, а мы с Сосискиным остались на берегу.

– Дашка, пошли вперед, где-то в километре от берега начинается лес, – глядя на растаявшие в воздухе фигуры, вздохнул пес.

– Откуда ты знаешь, что там лес, а не пустыня? – Настроение было поганое, и меня жутко тянуло поскандалить.

– Мать, я все-таки кобель и лапу в воздух поднимать не приучен, кабинкой пользоваться рост не позволяет – так что, пока ты дрыхла, я уже давно разведал обстановку.

– И как это мы не испугались удалиться от холодильника дальше чем на десять метров? – спросила моя ехидность.

– Ну, я далеко и не ходил, так, по самому краешку, и сразу назад бежал, – усмехнулся он в ответ.

– Тогда давай веди, Сусанин ты мой карманно-комнатный, – подхватывая сумки, разрешило мое великодушие.

Сосискин был прав: пройдя примерно километр, мы вошли в Лес. Именно Лес, с большой буквы, ибо назвать то, куда мы вошли просто лесом не поворачивался даже мой поганый язык.

– Ты посмотри, какая красота! – восторженно прошептал Сосискин.

Надо сказать, пес был прав. Только сейчас, оторвавшись наконец от пляжного отдыха, я смогла по достоинству оценить то, куда нас занес мой разбуженный алкоголем авантюризм. Мы стояли на окраине действительно величественного Леса. Огромные деревья, похожие на секвойи, гордо поднимались в синее небо, а под ногами раскинулся ковер из травы. Воздух был чистый и наполненный ароматом цветущих повсюду растений. Нигде не валялись окурки, пивные банки и бутылки, пение птиц не заглушали вопли пьяных и звуки магнитофонов, которые всегда сопровождают отдых наших сограждан на пикниках. Эта природа действительно была девственная. Мы, жители городов, давно уже забыли, что такое чистый воздух, синее небо без смога и ядовитых облаков, исходящих от всяких заводов, забыли про птичий гомон и про то умиротворение, которое волнами накатывает от созерцания спокойной красоты окружающего мира.

Очнувшись от всей этой лепоты, я выдала:

– Вот здесь мы с тобой, дружок, пожалуй, и заночуем. – И весело подмигнула.

– Дашка, может, пройдем хоть немного вглубь, ну что ты опять нарываешься-то? – с ходу попытался испортить мне настроение хвостатый пессимист.

– Не переживай, отмажемся тем, что уже полдня прошло, а идти по темноте в незнакомой местности мы испугались, и поклянемся завтра по утренней зорьке всенепременно выдвинуться, – отмахнулась я от явно не заманчивого предложения.

Пес тяжело вздохнул и отправился отметить по всей ближайшей территории, а я начала готовиться к ночевке в лесу. Откровенно говоря, мне совсем уже не хотелось участвовать в этом квесте, тащиться на разборки с каким-то Темным и знакомиться с местными аборигенами. Наоборот, до одури хотелось оказаться снова в своем мире, и только мысль о гонораре и мой упрямый характер в данный момент придавали оптимизма. Я села у дерева, прислонилась к нему спиной и задала извечный вопрос русского человека: «Что делать?» Там, на берегу моря, у нас было какое-то подобие дома и не приходилось думать о ночевках в лесу, пеших переходах, добыче пропитания и прочих малоприятных вещах. Сейчас же на повестке дня стояло отсутствие оружия, денег и средств передвижения. Горько признавать, но у меня ничего не было, кроме меня самой, нахальства и маленькой собаки. Я даже не представляла, как без переносной ракетной установки можно соваться в Цитадель, не сомневаясь, что Темный отморозок живет именно там. Можно сколько угодно заниматься самоедством, проклинать себя за то, что отказалась от физической и волшебной силы, амулетов, группы поддержки в виде команды аутсайдеров, но в ближайшее время у меня закончатся сигареты и кофе, а у Сосикина колбаса и банки с кормом – и нам настанет трындец. Толку от моих стенаний не будет никакого, и по взмаху волшебной палочки ничего этого не появится. В контракте четко записано, что мы попадем на Землю только в том случае, если победим главного отрицательного персонажа. Радовало одно, что в чертовой расписке не указывалось, как его победить и что будет считаться победой, поэтому у меня оставался призрачный шанс договориться с противником и сделать козью морду любителям передач из цикла «Дом-2». На такой мажорной ноте я надула матрас (да-да, сон на земле не внушал мне доверия, поэтому я и сунула его в рюкзак), собрала веток для костра и позвала Сосискина искать водоем.

– Ни за что! Ты с ума сошла?! Вдруг тут водятся дикие звери, притаились на деревьях клещи, растут ядовитые растения и все только и мечтают сожрать несчастного песика?! – Сосискин был близок к инфаркту.

– Ну, тогда оставайся тут и охраняй наши вещи, а я пойду искать воду, – пошла я навстречу трудящимся.

– Ага! Оставайся! А вдруг тут живут лисы и они накинутся на беззащитного меня?! – практически рыдая, простонал пес.

– Слушай, трус несчастный, ты уж определись со своими фобиями, а то точно останемся без ужина и водных процедур, – досадливо поморщилась я и упрямо отправилась в глубь Леса.

Маленький ручеек мы нашли довольно быстро, и, судя по следам вокруг него, к этому водопою ходило все местное зверье. Вид следов указывал на то, что они не все были безобидными зайчиками и белочками. Сосискин трусливо жался к моим ногам, пока я максимально быстро набирала в пластиковые бутылки воду. Вдруг кусты справа затрещали, и к ручейку вышел белоснежный пони с рогом посередине лба.

– Мутант, – пролепетал Сосискин. – Дашка, валим отсюда, тут сплошная радиация, сейчас, поди, лисы саблезубые ползут! – прижавшись к моим ногам, дрожал в непритворном ужасе пес.

Первый испуг от внезапного появления кого-то из чащи Леса прошел, и ко мне вернулось спокойствие.

– Конек-горбунок тюнингованный, йопта, – презрительно сплюнула я. – Сосискин, ты хоть изредка смотри мультфильмы или фэнтези какое-нибудь. Это самый обычный единорог.

– Я не смотрю всяческую ерунду по телевизору, предпочитаю повышать свой уровень интеллектуального развития, – презрительно скорчил морду пес.

– Ага! Конечно, «Комеди-клуб» очень повышает этот твой самый уровень развития, – заржала в ответ я.

Единорог совершенно не обращал на нас внимания и, грациозно склонившись над ручейком, не спеша пил.

– Дашк, кончай пялиться впустую! У тебя с собой же есть фотоаппарат! Давай щелкни коняшку! Потом фотки загоним любителям неопознанного, – вышло из ступора меркантильное существо.

Я быстро достала из кармана цифровик и сделала несколько снимков. Чем черт не шутит, может, правда найдется какой-нибудь дурак, и купит этот, с точки зрения нормального человека, фотошоп. Ну, а не купит, то останутся снимки на память.

Наконец чудо-зверь напился и гордо удалился в кусты. Узрев, что потенциальная опасность для его шкурки миновала, пес решил не иначе как расширить свой кругозор за счет моих познаний в области фэнтези.

– Дашка, а чем вообще знаменито это парнокопытное?

Я задумалась, напрягая память, а потом щедро поделилась своими знаниями:

– Ну, вроде там рога у него, в отличие от мужских, полезные, может девственницами в качестве средства передвижения использоваться... Да и откуда я знаю, чем он так ценен? Я его, как и ты, в первый раз в жизни вижу.

– Рог он нам хрен отдаст добровольно, а на девственницу ты, матушка, ну никак не похожа, так что даже если бы мы этого ослика рогатого поймали, то ехал бы на нем я, – ехидно заметил пес.

– Спешу тебе напомнить, Казанова ты мой доморощенный, что вся дача в курсе твоих амурных дел с французской бульдожкой с соседней улицы. Сколько у тебя там детишек с приплюснутой мордой и длинным ушами народилось, не напомнишь?

– Двое, – стыдливо буркнул Сосискин.

– Не надо приуменьшать свои подвиги. Четверо, маньяк ты мой сексуальный, четверо. Двоих я лично на Птичьем рынке продала, а двоих ее хозяйка к знакомым пристроила. На будущее, если не хотите осложнений, извольте ходить по дамам в деревню через дорогу, чтобы мне не приходилось больше врать людям, что эти метисы на самом деле чистокровные катаро-брунейские сторожевые собаки из личного питомника шейха.

Обратный путь мы проделали без всяких осложнений. Удобно расположившись на опушке, развели костер и со вкусом схозячили наш ужин. Умаявшийся пес привалился к моему боку, а меня неудержимо потянуло поговорить:

– Скажи мне, мой отважный лев, как думаешь, какие еще персонажи фольклора тут живут?

– Эльфы, дроу, альфары, оборотни и перевертыши, демоны и боги, лепреконы и гномы, ведьмы и колдуны, некроманты и светлые волшебники, орки и тролли, виверны и волколаки, феи и духи, водяные и русалки, драконы и фейри, домашние духи и лесная нечисть, ну и все, кому положено проживать в нормальном мире. – Из кустов на наш костер вышел, улыбаясь, Ник.

«Вечер перестает быть томным. Сейчас опять начнется компостирование мозгов на тему: «Почему кто-то еще жив, а мы отнесли свои задницы на километр от моря», – разочаровано протянула моя лень.

– Чем обязана? – Я подпустила в свой голос официальности.

– Даш, прекрати корчить из себя вдовствующую королеву-мать в изгнании, скажи спасибо, мы дали тебе спокойно собраться, вместо того чтобы сразу вернуть назад все, что ты так любовно прихватила из своего мира, – миролюбиво отозвался Ник.

– Благодетели! Спасители! Отцы родные! Дозвольте ручку облобызать и припасть к ногам за то, что не дали сгинуть сироте горемычной! Дозволили собрать котомочку нищенскую! – Я резво вскочила и начала отвешивать поклоны. – Сосискин, что развалился? Ползи по направлению к его божественности и выражай всем телом счастье, авось подадут от щедрот барских тебе ошейник от блох.

– Дарья, заканчивай придуриваться! Я пришел рассказать тебе о твоей миссии, а то сама ты еще через год не спросишь из чистой вредности, – досадливо поморщился неожиданный гость.

– Давай вещай, Левитан ты мой, я буду внимать, а Сосискин стенографировать. – Все-таки последнее слово должно быть за мной.

– Значит, так. – Ник щелкнул пальцем и сел в появившееся за его спиной кресло. – Этот мир называется Лабулэлирт Диравриникэ, что переводится с одного из наших языков как «Дипломный проект Авриэльта, Д’ирхена и Никэла».

– Прости, а что значит «Дипломный проект»? – поддерживая челюсть обеими руками, потребовала я ответа.

– То и значит – это наш с Авриэльтотом и Д’ирхеном дипломный проект.

– Давай поясняй! – Пока я пребывала в ступоре, Сосискин взял инициативу на себя.

– Все очень просто, – начал рассказ Ник. – Каждый демиург заканчивает Межмировую академию демиургов-творцов, и по окончании обучения группа студентов сдает Совету демиургов свой проект.

– А почему группа? Я не понимаю, почему мир должна творить группа? – трясая головой на манер кобылы, отгоняющей мух, снова перебила я Ника.

– Потому что каждый из нас рождается с определенным Даром. У всех нас, с точки зрения обычного человека, есть магические способности, но Дар создавать что-то глобальное, как правило, только один. Кто-то может создавать воду, кто-то землю, кто-то растения, кто-то животных. Очень мало рождается тех, кто может сотворить разумных существ, еще меньше демиургов получают Дар наделять их магической энергией, – терпеливо объяснил мне Ник суть их заморочек.

– Почему? – опережая меня, вылез Сосискин и требовательно стукнул хвостом по земле.

– Потому что, когда ты наделяешь создание магической энергией, то отдаешь ему часть своего Дара, который потом довольно долго восстанавливается, – отводя глаза, сказал покрасневший Ник. Сейчас он мне напоминал скорей подростка, застигнутого за непристойным делом под просмотр порнушки, а не всемогущее существо.

Только я хотела все это выдать, как меня опередили.

– А есть такие, у кого этот Дар восстанавливается быстро? – поперек батьки вылезло любопытство, жутко озадаченное тем, что рассказанное Ником как-то мало вязалось с нарисованным в голове образом Мистера-все-могу.

– Да. Это – Д’ирхен. Ему для восстановления Дара требуется пара лет. По сравнению с теми, кому для пополнения резервов нужно пара столетий, это ничтожно мало, – сразу оживился Ник, явно гордясь знакомством с таким крутым перцем.

– А что он еще может? – проявила заинтересованность моя интриганская натура, свято

верящая в то, что любая информация может пригодиться.

– Еще он может создавать богов, – припечатал Ник.

– Дашка, не перебивай! Дай послушать! – нетерпеливо твякнул пес.

Ник благодарно кивнул и продолжил:

– В нашей команде я могу создавать животных и различные разумные расы, Авриэльт – создавать все, что связано с природой и землей, ну а Д’ирхен, как ты уже поняла, наделять их магией.

– А есть у вас универсалы, которые могут создавать миры в одиночку? – прощупывая почву, высунул свой нос мозг.

– Нет, Дашка, это уже из области фантастики. Максимальное количество Даров – два, – разочаровано вздохнул демиург.

И тут я, подталкиваемая серым веществом, решила окончательно прояснить для себя один вопрос:

– Слушай, а среди вас есть те, кто рождается без Дара?

– Да, есть, но их очень мало, и они занимают довольно высокое положение в нашем обществе, – спокойно ответил Ник.

– Почему? Они же по сути инвалиды? – Мы с мозгом были обескуражены таким ответом.

– Даша, они выступают в роли экзаменаторов, потому как их сущность напрочь лишена зуда творца и они могут вынести беспристрастные оценки, – терпеливо отозвался Ник. – И кончай меня перебивать, иначе мы никогда не доберемся до сути.

– Продолжай, продолжай, – закивала я в ответ.

– Так вот, для создания полноценного мира образуется группа исходя из возможностей каждого из ее членов. Чем больше у демиурга Даров, тем меньше группа, и наоборот.

– То есть вы – довольно крутые ребята, поэтому вам троим доверили создание этой Лабуды? – недоверчиво поинтересовался Сосискин.

– В общем-то мы были самые сильные на своем курсе, и поэтому нам разрешили создать мир, в котором есть множество разумных рас с магическим даром и целый пантеон богов. Ну и там всякие мелочи вроде умеренного климата, равномерного ландшафта, большого количества минералов и разнообразной живности и растительности, – победоносно изрек Ник.

– А после академии что вы делаете? – возбужденно блестя глазками, потребовал ответа пес.

– После академии кто-то поступает работать в Совет демиургов, кто в составе групп работает над созданием миров, кто-то просто удаляется в семейные ореолы и живет в свое удовольствие... Есть те, кто становится преподавателями в академии. Среди нас есть и те, кто занимается теоретической работой, – в общем, все как у вас, но каждый из тех, кто участвовал в создании хоть одного мира, контролирует свое детище.

– А всякие аспирантуры-докторантуры у вас есть? – Мне было жутко интересно узнать о системе их повышения квалификации.

– Есть, конечно. Их выбирают те, кто со временем хочет войти в Совет и определять, где какие миры творить, – терпеливо, как ребенку, продолжил проводить разъяснительную работу Ник.

– А кто создавал нашу Землю? – с замиранием сердца спросила я. До жути было интересно, не мои ли знакомые приложили к этому процессу свои шаловливые ручонки.

– Ой, ваш мир творила самая слабая и многочисленная группа, поэтому у вас и нет никакой магии, такой дурацкий климат, масса ненужных зверей, насекомых, растений и так много воды и пустынь. Совершенно негармоничный мир, населенный только одной условно разумной расой, которая использует свой мозг всего лишь на двадцать процентов, – скривился мой личный Борис Бурда. – Совет несколько раз заставлял все корректировать и изменять, а потом плюнул и не засчитал дипломный проект.

– Почему же нас не уничтожили как неудачный эксперимент? – с обидой за державу процедил Сосискин.

– Было принято решение использовать Землю как одну из наших лабораторий, в которой студенты проходят практические занятия по ботанике и зоологии, и то, насколько я помню, занятия проводятся сейчас только в вашем Мировом океане, – отмахнулся от него Ник.

– Не поняла, какие еще лабы проходят у нас? – встал на дыбы мой патриотизм.

– Ой, Дашка, ты что, всерьез думаешь, что мамонты, динозавры и всякие доисторические животные вылупились из амебы и потом умерли от ледникового периода, а человек произошел от обезьяны? – усмехнулся демиург.

Я неуверенно кивнула.

– Нет, конечно, из амебы ничего, кроме амебы, вылупиться не может, а от обезьяны может произойти только обезьяна, – почесывая нос, устало ответил Ник.

– Значит, все, что я вижу на Земле, – это чьи-то практические занятия и контрольные? – раздувая ноздри, прошипела моя склонность к скандалам.

– Конечно, удачные образцы оставили, а неудачные или чересчур агрессивные просто уничтожили, – снисходительно подтвердил демиург и, увидев мое лицо, сделал пасс рукой в мою сторону. Если он думал, что его работа Чумаком удалась, то его ждало большое разочарование.

– Понял, Сосикин? Я, оказывается, не венец природы, а всего лишь чей-то удачный зачет, – прошипела я. Пес в ответ лишь потрясенно гавкнул.

– Ладно, Дарья, мы с тобой слишком увлеклись посторонними вещами, давай лучше я тебе расскажу про этот мир, – замаял неприятную тему Ник и занудно начал свое повествование: – Лабулэлирт Диравриникэ состоит из двух материков, названия я тебе говорить не буду, ты все равно исковеркаешь на свой лад. Они переводятся так: Рассветный и Закатный. Климат тут близок к земному Средиземноморью. Тут нет вечных льдов и пустынь, бескрайних океанов, непроходимых лесов и степей. Мы старались сделать этот мир как можно более комфортным для всех. Кстати, он по размеру меньше твоей планеты, но, думаю, такие подробности тебе не нужны. На каждом материке есть страны, незаселенные и спорные территории. Точнее будет сказать, что на каждом материке существует по одному большому государству, а все остальные – это их вассалы. Давай я тебе покажу, где ты сейчас находишься.

Ник встал с кресла, и рядом с ним возник огромный экран, на котором засветилась карта.

– Вот смотри, ты находишься на Рассветном материке, на берегу Жемчужного моря, а точнее, на опушке Великого леса. Если ты пойдешь по этой дороге, то послезавтра к вечеру выйдешь к Столице Империи Трех лун.

– А как называется столица? – Я решила отогнать сонное оцепенение, в которое всегда впадала на уроках географии.

– Да никак, – в ответ хохотнул Ник. – Много лет назад она называлась по имени первого

императора Фертанией, но каждый из его потомков переименовывал столицу в свою честь, пока в конце концов один умник не догадался называть ее просто Столицей.

– Да уж, если бы у нас каждый царь переименовывал Москву то в Годуновию, то в Романовию или, не дай бог, в Лужковию, то народ стал бы пить еще больше – от непоняток, – согласилась с ним моя любовь к своему городу.

– А вот здесь, на Закатном материке, находятся владения Темного лорда, с которым тебе предстоит сразиться. – Ник ткнул в самый край карты.

– Слушай, Ник, а что так банально-то: Темный лорд? Ну назвали бы как-нибудь поэкзотичнее, – вылез с расспросами переваривающий информацию мозг.

– А зачем? Люди ни в одном из миров не стремятся быть оригинальными, есть темные и светлые, и всех все устраивает. Нет, ну ты, конечно, можешь проявить оригинальность и назвать его как-нибудь иначе, – искренне удивился Ник.

– Она назовет! Уж поверь мне, дай только ей узнать его имя, как она обязательно его исковеркает или придумает кличку, – подал голос Сосискин.

Страшное подозрение закралось мне в душу, и я, почуяв угрозу пешего перехода в компании любви к комфорту и страсти к быстрому передвижению, замирая, спросила:

– Ник, а сколько мне добираться-то до его вотчины своим ходом? Я же правильно понимаю, что тут кроме лошадей никакого транспорта нет?

– Если ты имеешь в виду автомобили, паровозы и пароходы, то да, ты права, их не изобрели. А если ты говоришь о повозках и каретах, то спешу порадовать: они тут довольно распространены. Так что тебе придется освоить верховую езду либо научиться сносить тяготы путешествия в карете или телеге, – виновато развел руками Ник. – Если своими ногами, то тебе идти до владений Темного чуть больше трех месяцев по земному счету, а если верхом или в повозке – на месяц меньше.

Я тоскливо вздохнула. Поезда тут не ходили, самолеты не летали, машины не стояли в пробках. Чтоб как-то поднять себе настроение, пришлось попросить рассказать про вероятного противника.

– Да ничего особенного, – пожал плечами Ник. – Обычный Темный, с хорошей примесью демонической крови, колдун в неизвестно каком поколении. Мечтает покорить весь мир. Сплотил вокруг себя всех темных и потихоньку ведет захватнические войны.

– Угу, понятно, стандартный набор фэнтезийного маньяка, ничего нового, даже прям скучно, – скривился авантюризм.

– Даша, прости, но ты же сама выбрала его в качестве противника, а темные другими и не бывают. Или ты думала, что он занимается ирригацией и грешит резьбой по дереву в стиле «татьянка»? – съехидничал Ник.

– Думала, может, он на завоеванных территориях открывает приюты для бездомных зверюшек, а в свободное от основной работы время подрабатывает детским педиатром, – окрысилась я в ответ.

– Дашка, хорош пургу нести, так мы до завтра не узнаем, кто тут кроме него и императора живет. Потом узнаешь о его хобби, – прорычал Сосискин.

– Все-все, замолкаю... – Я замахала в ответ руками.

– Продолжим, – тоном лектора из общества «Знание» ответил Ник, и на экране возник портрет эльфа.

Что я могу сказать? Эльф обыкновенный, одна штука: глаза-блюдца, острые уши, светлые волосы до лопаток, взгляд презрительный. Орландо Блум отдыхает в сторонке и

начинает подыскивать роли в фильмах ужасов, где будет сниматься без грима.

– Ну как тебе? – лукаво поинтересовался Ник.

– Сплошное чахлое аниме. Ноги на талию закинешь, в порыве страсти сожмешь их и в самый ответственный момент ненароком два нижних ребра сломаешь. – Я, зевая, прикрыла рот ладошкой.

– Давайте номер два, – распорядился Сосискин.

Номером два выступил дроу. Все было так, как описывают в книжках: темная кожа, белые волосы, красные глаза, черные когти, злобное выражение лица.

– Похож на альбиноса, страдающего хроническими запорами, – вынесла вердикт моя притязательность.

– «Следующий!» – сказал заведующий», – веселился пес.

Следующим выступил вампир.

– Вылитый Ромка-гот из второго подъезда: такая же бледная морда, сальные пакли вместо волос, красные губы и кожаный прикид, – припечатала я.

– Альфар, – начал рекламировать следующего местного кобеля этот доморощенный сводник, но я резко перебила.

– Ник, зайчик, скажи мне, пожалуйста, а почему ты мне показываешь исключительно особей мужского пола? Вы что там, опять на меня ставки делаете?

От моих слов демиург дернулся и испуганно посмотрел на меня.

– Давай, давай колись, тварюга, на что народ ставил-то и какие ставки нынче на кону?

Сзади раздалось ржание пса, а Ник стоял и разочарованно смотрел на меня.

– Не тяни кота за причинные места, покайся, и тебе это зачтется. – Я взглядом профессионального убийцы уставилась на него.

Тяжело вздохнув, Ник стал сдавать товарищей. Оказывается, помимо основного тотализатора, Абраша придумал систему маленьких. Проще говоря, народ ставил на любой мой поступок в той или иной ситуации. Вот и сейчас принимались ставки на то, представитель какой мужской половины из любой расы затронет мое сердце. Подавляющее большинство поставило на Темного, остальные ставили на:

1) эльфа (ну, это, видимо, кто плохо меня знал);

2) дроу (явно любители ролевых игр);

3) оборотня и дракона (кто-то из них явно страдает зоофилией);

4) гоблина (извращенец, не иначе);

5) тролля (чую, ставила любительница больших членов);

6) демона (поклонники экзотики постарались);

7) наемника обыкновенного (фи, как банально).

Какой-то шутник поставил на гнома (я парадоксальная тетка, но не настолько), ну и была еще пара-тройка умников, поставивших на колдунов, ведьмаков, некромантов, вампиров, рыцарей и прочих скучных товарищей.

– А ты лично на кого поставил? – задала я провокационный вопрос.

– На демона, и надеюсь выиграть, – игриво отозвался Ник.

– А можно нам с Дашкой сделать ставочку? – елеиным голоском пропел Сосискин.

– Если у вас есть хоть одна золотая монетка и вы мне ее предъявите в течение пяти минут, то можно, – великодушно разрешил участник игры на деньги.

– Черт, вот чего-чего, а золотой монеты у меня точно нет. У меня вообще никаких нет, даже десятикопеечных, – разочаровано протянул вдруг появившийся азарт.

Но в этот момент пес резво рванул в сторону подстилки, какое-то время пошебуршал ею и буквально через минуту выплюнул мне в ладонь золотой кругляш. Я перевела взгляд на ошарашенного Ника и, ехидно скалясь, вложила монетку в его ладонь с печаткой. Кольцо заблестело, и монетка растаяла.

– Теперь я могу сказать, на кого я ставлю? – поинтересовался новоявленный игрок.

– Не надо, – улыбнулся Ник. – На кого ты и Даша поставили, я уже знаю и могу сказать, что в любом случае вы проиграете.

– Кстати, а откуда ты взял золотишко? – Я вперила негодующий взгляд в Сосискина.

– Ну, – дружок застенчиво опустил глаза, – помнишь, мы были в пещере у дракона, где тебя...

– Так, стоп, интимные подробности опускаем, – попыталась я заткнуть фонтан красноречия.

– Ну вот, пока ты там пыталась трезветь, а ребята – успокаивать местного жителя, я взял в качестве сувенира одну маленькую монетку, – как ни в чем не бывало просветил меня на тему появления в его лапах золотишка пес.

– Больше НТВ не смотри, этот канал явно провоцирует в тебе криминальные наклонности, отныне только канал «Культура», – подала голос честность.

Я сердито отвернулась от Сосискина и попросила Ника продолжить демонстрацию.

– Темный лорд.

На экране мужик в черном плаще и шлеме что-то увлечено чертил на полу в пещере.

– Отпадает, на Дарта Вейтера похож, заодно можешь и рыцарей не показывать. – Я брезгливо скривилась, как при виде таракана.

– И что? Ты же не видела его лица, – засуетился Ник.

– Она терпеть не может этот фильм, у нее даже для всех бывших мужиков звонок на телефоне – мелодия из этого фильма, и уже поперли ассоциации, – заржал Сосискин.

Мне послышалось, что надо мной пронесся вздох разочарования из мужских и женских голосов, а Ник победоносно усмехнулся.

– Демон, – самодовольно произнес он.

– Ну и что мы видим, Сосискин? Видим мы с тобой перекачанного краснокожего мужика, махающего огромным мечом перед зеркалом.

– Отпадает, давай следующего, – закончил за меня мысль пес.

– Почему отпадает? – слегка заикаясь, прошептал Ник.

– Терпеть не могу качков, у них тело накачанное, а то, что в шпанах, меньше, чем хвост у зайца. Да вон и рога пробиваются на макушке, что ж он за мужик, если ему рога наставляют? Точно, теория про хвост находит в них свое подтверждение.

– Много поставил? – участливо спросил Сосискин, глядя на чуть ли не плачущего демиурга.

Ник убито кивнул, а мне на минуту показалось, что в его глазах смерть махнула мне косой.

– Тролль.

– Слишком волосатый. Там, поди, всякие насекомые в его шерсти водятся.

– Наемник.

Высокий мужик, обвешанный железом, лысая голова, а из самой макушки спускается длинная коса.

– У них у всех такая прическа? – на всякий случай флегматично поинтересовалась я.

– Да, это традиция, – подтвердил демиург.

– Отпадают все оптом. На стриптизера похож из одного клипа, – презрительно сплюнув в очередной раз, разбила мечты о быстрой наживе моя ненависть ко всяким жигало и альфонсам.

– Некромант.

– Нет, сразу видно – маньяк, – испуганной козочкой отскочила я, припомнив все, что знала о маньяках и некрмантах.

– Ведьмак.

Одетый в какую-то рвань типчик с фанатичным блеском в глазах предстал предо мной.

– Мимо, смертность на работе высокая, а вдовый наряд мне явно не к лицу.

Дальше я вообще перестала миндальничать.

– Оборотень.

– Был бы похож на Джека Николсона из «Волка», тогда бы, может, и были бы шансы, а так нет, да и он псиной явно воняет.

– Гном.

– Что я с ним делать буду? В дочки-матери на деньги играть?

– Правящий глава Империи Трех лун.

– Все правители женаты на государстве, моя персона не будет единолично царить в его душе, а я не привыкла быть на вторых ролях.

Где-то через полчаса мне надоело давать комментарии, и я просто отрицательно качала головой. Еще через полчаса выдохся Ник.

– Это все претенденты на мое тело? – на всякий случай уточнила я.

– Нет, остался последний, и он тебе тоже не понравится, – буркнул Ник.

– Давай, не томи общественность.

– Орк, – презрительно бросил демонстратор мужских прелестей.

– Орк, – прошептала я и заворуженно уставилась на экран, чуть подавшись вперед.

Наконец-то моя мятушаяся душа узрела мужчину своей мечты. Высокий, с коротким ежиком волос, с легкой щетиной, чуть массивная нижняя челюсть, ленивый прищур глаз... Тело с гармонично развитыми мускулами, гладкая смуглая кожа, покрытая многочисленными татуировками и шрамами. От мужика пахло хищным зверем, опасностью и безудержным сексом. Я могла бы бесконечно пялиться на его длинные ноги и упругую задницу, но суровая реальность выдернула меня из сладких грез.

– Даша, тебе что, действительно нравится это животное? – в ужасе заорал Ник.

Я повернула голову, радостно кивнула и снова отвернулась к экрану.

– Ура! Я выиграл! – счастливо завизжал пес.

Экран погас, и мне, такой вот созревшей к разврату, пришлось возвращаться к суровой реальности, в которой меня сегодня не ждала даже кровать девичья. Тоскливо вздохнув, я прошелестела:

– Они там все такие?

– В основном да, но я выбрал для тебя их правителя Грешера, – скривился проигравший демиург.

– Хришенька... – на манер Аксины всхлипнула я и, взяв в руки свое разбушевавшееся женское нутро, решила уточнить, сколько мы с Сосискиным выиграли.

– Весь банк ваш, – зло огрызнулся Ник.

– А точнее? – радостно затребовал уточнений маленький жадина.

– В перерасчете на доллары, Дашины отдаленные потомки и через пару тысяч лет, живя только на одни проценты, будут богаче всех на Земле, и это не считая нескольких миров, которые тоже ставили на кон, – выплюнул творец миров.

– Я знал! Я верил в тебя, девочка моя! – Пес радостно забегал по кругу, а я со всего размаха села за задницу. – Так, надо куда-то размещать активы, – суетился Сосискин. – Не хотелось бы на старости лет жить на одну пенсию.

Я же ошарашенно молчала и думала, что мне теперь с этим всем делать.

Послушав минут двадцать вопли Сосискина о нашем внезапном богатстве и о том, что он с ним сделает, я решила прекратить эти щенячьи проявления радости, сурово напомнив о завтрашнем переходе. Недовольно ворча, он обиженно завалился спать на свою знаменитую подстилку.

Сама же я присела на матрас и, похлопав по нему рукой, пригласила присоединиться ко мне Ника. Подождав, пока он устроится, и скорчив умиленную мордашку, я решила более подробно узнать об окружающем мире. Но сначала жаба потребовала меня уточнить про наши капиталы:

– Ник, друг, деньги конечно же хорошо, собственные миры еще лучше, но хотелось бы знать, когда всем этим я смогу воспользоваться? И, кстати, мне действительно отдадут гонорар в случае моей победы?

– Да, Даша, и остров, и деньги тебе вручат в случае победы. Сама же понимаешь, мертвым деньги ни к чему, но выигрышем ты пока не можешь пользоваться, – глядя честными глазами, заверил меня Ник.

– А я могу победить? – задала я самый волнующий меня вопрос.

– Не знаю, – вздохнул демиург и продолжил: – Ты первая, кто отказался от любой помощи и поддержки. Погибнешь тут – и твоя жизнь закончится на Земле. Да, тебе это лучше узнать сейчас: мы забрали у тебя Дар распознавать лекарственные растения, – поведал он о внезапном «счастье».

– Это еще с какой стати? – Я в бешенстве вскочила с матраса.

– Мы провели это как штрафные санкции. Не одна ты умеешь трактовать пункты договоров в свою пользу, – вскочил следом Ник. – И потом, что ты переживаешь, я же прекрасно видел, как ты забирала всю аптечку с кухни и выгребла из холодильника все мази, включая мазь от геморроя.

– Мазь от геморроя самая необходимая в походе вещь, – независимо вздернула нос я. – Вот подниму сдуру в темноте пудовый меч, помахаю им, а утром организм выскажет свое отношение к поднятию тяжестей. И где мне в этом Средневековье искать проктолога, и как прикажете таскаться с больной задницей в поисках приключений?

– Вот мы тоже так решили, что тебе лучше пользоваться своими лекарствами, а не отвлекаться на поиски нужных травок. Да ты все равно бы не запомнила их названий, – подмигнул печальный вестник.

– Ладно, переживу без народных средств, – успокоилась я, вспомнив, как разок выпила какой-то травки от кашля и потом две недели восседала на белом коне, а когда выбиралась на улицу, то при первом же спазме в животе начинала усиленно рыскать в поисках белых лебедей.

Чтобы отвлечься от неприятных воспоминаний, мне пришлось попросить рассказать про Лабуду, уточнив, что обойдусь без географических названий, древних легенд и прочей лишней атрибутики. И Ник рассказал...

Хотя мир состоял из двух больших материков, их скорее можно было назвать двумя противоположностями: Светлая и Темная стороны. На Светлой стороне жили люди и пропагандирующие свет создания, на Темной, соответственно, наоборот. И там, и там процветала магия, существовали школы волшебства, и главными вузами сторон были

Академия Света и Темный магистрат. Светлыми магами управлял Ковен под руководством главы, а темными заведовал Совет сильнейших под присмотром верховного колдуна. Самое интересное, что студенты обоих учебных заведений ездили друг к другу на практику, а преподаватели – на семинары по обмену опытом. На мой вопрос, как такое возможно, Ник пояснил, что целительство преподают только после изучения азов некромантии, так же как наши студенты изучают медицинские дисциплины лишь после изучения анатомии. Ну и наоборот: кто лучше ведьмаков, познавших светлую магию, сможет на примере показать, в чем слабые стороны созданных темными монстров?

Как бы парадоксально ни звучало, но эти две антагонистические по своей природе стороны прекрасно сосуществовали друг с другом. Между ними процветали торговля и взаимовыгодный обмен. К тому же каждая раса тоже имела своего правителя, положенный ему по статусу штат придворных и Министерство иностранных дел. Светлых жителей вел в светлое будущее (пардон за тавтологию) император страны Трех лун, ну а темных направлял на путь тьмы Темный лорд. Любой из жителей мог спокойно переехать жить в соседнюю страну. Для этого всего лишь надо было по приезду отметить в первом же городе у архимага и дать клятву не нарушать законов страны пребывания. Правда, светлые при этом теряли право творить добрые дела на территории темных, а темные лишались права пакостить. Нелегалы, конечно, случались, но их очень быстро отлавливали и с позором депортировали на историческую родину. Кстати, были тут и товарищи без гражданства и подданства. К ним относились держащие условный нейтралитет драконы. Условность заключалась в том, что дракона мог нанять любой и в зависимости от этого он на какое-то время становился темным или светлым. Так что золото драконов – это их честно заработанные накопления. Все остальные жители, обитающие под землей или на островах, имели подданство той страны, на территории которой находились их поселения. В обеих странах народ жил довольно хорошо, не было поголовной нищеты, которой славилось наше Средневековье: отсутствовало рабство, кровавые культы, всеобщая неграмотность, запреты на межрасовые браки. В Темной империи население лечили колдуны, а ворожили и предсказывали будущее – ведьмы. На светлой половине мира этими же вопросами ведали знахари и волхвы. В домах светлых хозяйничали домовые, а у темных – домашние бесы. Обе стороны этого мира мне представлялись какие-то зеркальные отражения друг друга, вернее искаженными отражениями.

Еще мне нудно втирали, чем волшебник отличается от мага. Из всего потока словоблудия я поняла, что у светлых волшебник – это наш выпускник академии, маг – это кандидат магических наук, а архимаг – доктор. Темные же называли себя как хотели, не заморачивая себе этим голову.

Нет, конечно, не все было столь радужно. У границ периодически случались небольшие вооруженные стычки, но, как говорится, на то и волк, чтоб пастух не зевал. На дорогах, подальше от Столицы, встречались разбойники, а в светлых лесах постоянно несли патрулирование ведьмаки. Темные колдуны периодически забрасывали жалобами Ковен магов из-за действий светлых, проникающих на их территорию с целью совершить подвиг за счет тотального уничтожения нечисти.

Вот как-то так мило, по-домашнему, если не сказать патриархально, протекала жизнь в этом странном мире. Больше всего мне понравилось, как в Светлой империи решался вопрос с преступниками. В зависимости от тяжести преступления приговоренного отправляли в качестве донора вампирам или в виде готового материала для зомби. Темные в ответ

высылали своих преступников в качестве наглядных пособий светлой стороне. Особой любви жители стран друг к другу не питали, но и особой ненависти не испытывали. Как мне объяснил Ник, они создали такой мир, в котором каждый мог жить и особо не мешать другим. По законам демиургов не может быть только Светлый или только Темный мир, поэтому ребята постарались создать творение с ярко выраженной полярностью. Еще он мне рассказал, что тут нет глобальных эпидемий и катастроф. Видя мое недоумение, Ник пустился в пространственные объяснения на тему, что любая массовая гибель людей, не важно от чего, отбрасывает мир назад, и это очень сильно сказывается на рейтинге их создателя. Еще больше демиург меня огорошил тем, что во всех мирах местные боги изредка устраивают небольшие катастрофы и локальный мор, но это делается только в том случае, если какая-то популяция или излишне возрастает, или начинает вести себя агрессивно. Меня сильно удивила такая политика богов, но Ник поспешил добить тем, что все боги выступают во всех мирах в качестве управляющих.

– Топ-менеджеры, что ли? – недоверчиво протянула я.

– Именно, – подтвердил Ник. – Уходя из сотворенного мира, демиурги наделяют богов правами и обязанностями по его сохранению и развитию.

– А как же всякие кровавые боги древности? – уточнила я.

– Даша, боги, как и люди, не обладают нашими качествами, со временем случается осечки, и некоторые из них забывают, что их единственная обязанность – развивать мир, а не упиваться своей значимостью, – взвился демиург. – Вот поэтому мы всегда курируем свои миры и, если видим, что какой-то божок заигрался в могущество, быстро уничтожаем его культ, а самого предаем забвению. Нет, мы никого не уничтожаем из них, – видя мой скептицизм, он кинулся меня разубеждать. – Лишенный своих сил, он продолжает жить, как простой смертный, воспоминаниями о былом. Поверь, такие меры необходимы в назидание тем, кто забывает, зачем поставлен. А развенчанные боги служат живым стимулом не зарываться.

– А как же боги Древней Греции? Вроде там не практиковалось вырывание сердец, или они опять чей-то неудачный проект? – Мне почему-то вспомнились красивые мифы об Олимпе.

– Эти тоже, и, как ты совершенно правильно заметила, неудачный проект неудачников, – брезгливо отряхнув с себя воображаемую пыль, скорчился Ник. – Они направили все силы на свое возвеличивание в виде храмов и только в одной Греции. Вспомни историю: в то время процветала только одна страна, а твои далекие пращуры бегали голышом по Восточно-Сибирской равнине. А изначально планировалось, что они будут отвечать за весь мир. Да, вам на Земле вообще с богами не везло, сколько раз у вас менялась религия? Даже сейчас никто из них не может решить, кто главный: Будда, Аллах или Христос.

Видя мое расстроенное лицо, Ник преувеличенно бодро воскликнул:

– Отвлечемся от божественных пантеонов. Можешь обрадовать Сосискина: тут нет клещей, оводов, комаров, блох, пчелы тут не кусаются и очень мало ядовитых растений и хищных зверей.

– Нет комаров? Ты шутишь? Согласно классике жанра они есть везде. – Я в ответ недоверчиво уставилась на него.

– Зачем делать бесполезных кровососущих насекомых? – вздернул бровь Ник.

– Ну как зачем? Комарами и мухами всяческими злобными вроде как птички там питаются, а не будет корма, птички с голода помрут, – подали голос мои школьные знания по

зоологии.

– А какая польза от клещей и оводов, кроме обогащения компаний, занимающихся производством средств от них? – парировал Ник. – Да и что там в комаре из питательных веществ? Гораздо рациональнее создать такое насекомое, которое могло бы и пользу приносить, и служить кормом для птиц. И потом только двоечник создаст прорву птиц и мало насекомых, способных служить для них кормом. Во всем должно быть рациональное зерно и баланс, – тоном профессора закончил экскурс в биологию Ник.

Дальше я узнала, что между Темной и Светлой стороной раскинулось Пустое море, которое так называлось потому, что в нем ничего не водилось. Помимо Жемчужного и Пустого, тут было еще несколько морей, крупных рек и даже небольшой океан. Попасть из одной стороны в другую можно было как по какой-то из водных артерий, так и по суше. И если у нас горы – так Альпы, а пустыня – так Сахара, то тут горы можно было сравнить с нашими сопками, а пустыня неторопливо пересекалась за два дня. Где-то на севере страны просто перетекали одна в другую, и на границах стояли заставы с таможенными постами. Одним словом, каждый добирался к соседу, как ему было удобно. Принципиальное отличие стран заключалось в том, что у Темных столица была расположена в горах на самой оконечности империи и называлась она в переводе на русский, как я и предполагала, Цитадель, а у светлых она была ближе к морю. Светлые, к сожалению, тоже не отличались оригинальностью, когда выбирали ее название.

Еще он рассказал о том, сколько дней в местной неделе, и их, к моему удивлению, оказалось целых двенадцать. На Лабуде не было зимы, а лето, весна и осень, как и у нас, длились, по три месяца. Денежная система была копией принятой в большинстве земных стран. Я, естественно, не запомнила всех этих названий и тонкостей. Единственное, что поняла: практически все было завязано на циклах трех лун, которые носили имена демиургов. Богов тут было – кто бы сомневался! – по двенадцать на каждой стороне. Единой религии не было ни у кого. Каждый верил в того бога, который был ему наиболее близок.

Мирное сосуществование империй тянулось уже много веков, и казалось, что такой порядок будет вечен. Но пару лет назад Темный лорд и его вассалы вдруг вышвырнули всех послов светлый земель, свернули свои представительства, границы резко закрылись, а приграничные стычки превратились в захватнические войны против светлых. Редкие беженцы с темных земель поведали императору, что Темный лорд объявил подготовку к походу на светлых, апофеозом которого должен был стать захват мира. По всей Светлой империи срочным порядком развернулась мобилизация, укреплялись фортификационные сооружения, создавалась разведка и контрразведка, обучались шпионы и диверсанты – одним словом, народ стал готовиться к войне.

Ник закончил говорить, а я, тяжело вздохнув, спросила:

– Ник, это же вы надумали Темного дерьмушника начать войну против светлых?

Его кивок мне стал ответом.

– Неужели вам не жалко свой мир? Вам не на что больше ставить, что вы ставите на кон сотни жизней? Какие же вы после этого творцы! Вы, скорей уж, тварюги.

– Дарья, – прорычал Ник, – давай ты не будешь мне сейчас читать лекцию, что такое хорошо и что такое плохо? Каждый развлекается согласно своим возможностям и средствам. Ваши дети играют в свои игрушки, а взрослые придумывают свои. Маленькая война с луками и мечами – это ничто по сравнению с Хиросимой, а погибших в боях будет гораздо меньше, чем погибших от иглы.

– Ты прав, кто я такая, чтобы учить тебя морали, просто знай, что я никогда не приму ваших игрищ.

На поляне повисло тягостное молчание. Я была зла на всех демиургов, которые ради своего развлечения отправляли на смерть тысячи людей и нелюдей, а Ник явно жалел, что раскрыл мне эти подробности. Чтобы как-то разрядить обстановку, я спросила, как еще развлекаются его собратья, чтобы заодно и узнать, на что еще способны эти товарищи из верхов.

– По-разному, кто-то создает новых богов и смотрит, как они набирают силу и воюют между собой за адептов. Кто-то ставит на то, как быстро люди построят корабли и достигнут соседней галактики или как воспримут нападение соседей по космосу, – моментально оживился он.

Совсем примитивным развлечением было отправить кого-то из жителей отсталых миров в кругосветное путешествие и делать ставки, как быстро его корабль пойдет на дно. Чуть интереснее демиургам было наблюдать за тем, как люди пытаются создать монстров или призвать демонов и заставить их подчиняться себе. В мирах ангелов периодически устраивали войны с чертями. Короче, каждый изгалялся как мог, когда ему выпадал жребий предоставлять свои миры в качестве полигона.

– Ник, а светлые всегда побеждают?

Наверное, мой вопрос был настолько наивен, что Ник в ответ отвел глаза и ответил вопросом на вопрос:

– Даша, это не сказка, а реальность. Ты сама как думаешь?

– Думаю, пятьдесят на пятьдесят.

– Правильно, и знаешь, как ни странно, светлые в своей фанатичности действуют с гораздо большей жестокостью, чем темные. И еще запомни: светлый не всегда значит добрый и правильный, а темный не всегда злой и жестокий. Они такие же создания, как все люди, просто у них разные воззрения на мир. Но среди настоящего светлого ты никогда не встретишь хладнокровного убийцу, а настоящий темный ради своего удовольствия или ритуала непринужденно отправляет на смерть. А в остальном и среди светлых, и среди темных есть исключения, я, например, лично знал одного демона, который обожал рисовать пасторальные картинки, а его друг, местный святоша, проверял всех невест на предмет девственности.

Рассказ, конечно, увлекательный, но мне хотелось прояснить свои шансы на победу.

– Ник, скажи, а какова вероятность того, что я справлюсь со своей миссией?

– Не знаю, – удрученно ответил он. – Ты первая, кто отказался от любой помощи и бонусов в виде сил.

– Поэтому такие высокие ставки? – Я невесело улыбнулась и стала усиленно хлопать себя по карманам в поисках сигарет, а мозг попросил его не беспокоить и отправился переваривать все, что мы с ним только что услышали.

– Даш, может быть, пока ты не начала язвить и мы с тобой вдвоем, ты наконец-то мне скажешь, почему ты от всего отказалась? – теперь уже потребовал разъяснений демиург.

Пришлось объяснять свой дурацкий, с его точки зрения, поступок.

– Все просто, Ник, я привыкла всегда полагаться только на себя. Магия может закончиться, амулет – разрядиться. У пистолета кончатся патроны, и по закону подлости это случится в самый неподходящий момент.

– А почему ты отказалась от команды поддержки? – вкрадчиво уточнил Ник.

– Я не имею права втравливать в эти дела еще кого-то. Это мой квест, в который я вляпалась по своей дури, достаточно того, что со мной сюда попал Сосискин, который на даче ночью по темноте боится гулять. И если уж быть совсем честной, я до конца не верила в то, что все это происходит на самом деле.

– Ты меня не убедила, каждому из нас нужна помощь, – нахмурившись, покачал головой Ник.

После этих слов меня прорвало:

– Ник, господи, ты хоть изредка вспоминай, что я хоть и своеобразная, но все-таки женщина!

Он непонимающе смотрел на меня, а я начинала уже не по-детски заводиться.

– Тьфу ты! Вот точно ты – типичный мужик и не понимаешь тонкостей женской природы, когда команда наверняка бы состояла из кучи особей мужского пола, так?

– Так, – утвердительно ответил он.

– А что столь стыдливо умалчивают практически все авторы романов в стиле фэнтези? – Я уже практически орала.

– Проблемы, связанные с личной гигиеной, – расхохотался наконец-то допетривший Ник.

– Вот именно, дорогой мой, вот именно. Все авторы как-то вскользь замечают, что героиня проснулась, sprыснула лицо водой, перекусила черствой лепешкой и вскочила в седло. Я так не могу. Не могу проснуться на заре и с грязными зубами, жуя на ходу, вскочить в седло и куда-то галопировать. Мне надо встать, умыться, провести комплекс мероприятий по борьбе с кариесом, принять душ или хотя бы частично вымыть части тела, – заводилась все больше и больше я. – Потом мне надо не спеша позавтракать, накормить собаку, покурить, спокойно собраться – и только тогда я окончательно просыпаюсь и становлюсь готовой к труду и обороне. Все это совершенно невозможно делать под прицелом кучи глаз, которые всем своим видом показывают, как я задерживаю их поход за смертью. На ночь мне тоже надо почистить зубы и желательно принять душ, а если на улице жарко, то предпочитаю спать голой. Во сне я раскрываюсь и сплю задницей наружу. Сомневаюсь, что она может вдохновить мужиков, сидящих на сексуальной голодовке, на какой-нибудь подвиг, кроме моего изнасилования. А может, ты мне расскажешь, как среди кучи представителей противоположного пола справлять свои естественные потребности? Ладно, если это в лесах, а на открытой местности как? А не дай бог, ко мне с визитом зайдет Жора Поносюк и на пару дней задержится? Мне что, войти в историю как самая выдающаяся засранка? Я уже молчу о проблемах, которые преследуют любую женщину в критические дни. Да и любой из мужиков, видя мою никчемность по части навыков езды на лошади, неуклюжесть во владении оружием и полное дилетантство в магических сферах, будет мечтать меня удавить на первом же привале! – Я чувствовала, что распалилась не на шутку.

– Успокойся, – примирительно поднял руки вверх Ник. – Я тебя понял, но команду можно было создать из женщин.

– Еще лучше! – всплеснула руками я. – Посмотри на меня и скажи: я способна выдержать возле себя воинствующую дуру, отправившуюся на поиски приключений, или слушать бредни сбежавшей невесты или, что еще хуже, неудавшейся магички? Да я с ума сойду рассказывать ей о своем мире, а в ответ выслушивать ее стенания. Я работаю среди людей, очень люблю своих родителей, но, к сожалению, живу вместе с ними. Когда я полумертвая приползаю с работы, вместо того чтобы тупо помолчать и посидеть в тишине, я

вынуждена с ними разговаривать и, что еще хуже, слушать и смотреть вместе с ними телевизор. Единственная возможность побыть одной и в относительной тишине – это прогулка с Сосискиным. И то если мне повезет и мы не встретим никого из знакомых. Ты не представляешь, как я была счастлива эти две недели, пока мы были с ним там, на берегу, одни! Никто не стоял над душой, у меня не разрывался телефон, на мониторе не мигала куча сообщений из аськи и прочих установленных у меня на компе прибуд! Меня не дергали, не просили высказать свое мнение. Я наслаждалась жизнью впервые за много лет! – Наконец я закончила свою тираду и, сердито сопя, устала на Ника.

– Синдром хронической усталости и стресса? – участливо спросил он.

Моих сил хватило только кивнуть и отвернуться, скрывая злые слезы.

– Хорошо, Дащ, я все понял и не буду больше задавать тебе неприятные вопросы, – кладя свою ладонь на мой сжатый кулак, примирительно прошептал демиург.

Я уже взяла себя в руки, быстро смахнула слезы и спросила:

– Надеюсь, от участия в моей судьбе богов я тоже избавлена? Знаешь, не хотелось бы, чтобы ко мне во сне являлись всякие тетки в белых балахонах или бородатые дядьки и диктовали мне какие-то условия.

– Нет! Клянусь Творцом Сущего! Богам запрещено тебе как вредить, так и помогать, – крепче сжимая мою руку, дал слово Ник.

Тут моя дотошность задала давно мучавший ее вопрос:

– А легенду вы мне придумали? А то спалюсь на первом же допросе.

– Конечно, – поспешил меня уверить Ник и торжественно-патетическим тоном продолжил: – Много веков назад один великий оракул сделал пророчество о том, что, когда на Светлую сторону потянутся полчища Тьмы, придет дева с крыльями, ведущая за собой невиданного зверя, и спасет мир от гибели.

– Так, стоп! Крылья – это намек на мою татуху? – Я и забыла совсем, что на спине у меня наколоты довольно симпатичные разноцветные крылья, а еще несколько тату располагаются на плечах, бедре, пояснице и на левой ягодице.

– Да, – засмеялся Ник и игриво чмокнул меня между лопаток.

– Хм, надеюсь, дружок, что ты сейчас просто тер свой нос об меня, а не тыкался своими мокрыми губами в поисках пресловутого кошачьего места? – угрожающе прошипела не иначе как честь девичья.

В ответ я услышала тихий смех. И тут меня начала охватывать паника, и я, замирая от неприятных предчувствий, прошептала:

– Ник, только не говори мне, что к утру на моей спине будут красоваться ангельские крылья! Если это так, то давай ты меня лучше прямо сейчас кинешь в пасть к Темному милитаристу.

– Нет, успокойся, – ласково ероша мой затылок своим дыханием, ответил этот садист. – В пророчестве ни слова не сказано о том, какие это должны быть крылья.

– А невиданный зверь – это Сосискин?

– Ну да, тут как-то не развивается селекция в области собаководства, так что второй таксы точно нет.

– Уф, утешил! Прямо камень с души снял. Не хотелось бы красоваться перед народом с куриными крыльями на спине. – Тут меня стали терзать смутные сомнения, которые я немедленно озвучила: – Отец мой родной, а как вы провернули-то фишку с пророчеством? Ему же прорва лет, а я вроде как только недавно на все это подписалась. Вы что, время назад

отмотали или в прошлое смотались?

– Нет конечно! Чтобы вернуться в прошлое или отмотать, как ты выразилась, время назад, требуется разрешение всего Совета демиургов, и для этого должна быть очень веская причина, а не простая игра, – отмел мои домыслы Ник. – Димон... так ты плохо на меня влияешь, еще пара встреч с тобой – и я разучусь произносить данные от рождения моим друзьям имена, – растеряно произнес он.

– Ой, да ладно тебе. У самого-то язык от таких имен да названий не отваливается? – досадливо поморщилась я. – Что притих? По глазам вижу, что отваливается, так что давай оставляй свои божественные понты и называй все так, как тебе нравится.

Но Ник, наотрез отказавшись сокращать имена своих друзей, поведал мне следующее: Димон, как только я забылась тревожным сном алкоголика, смотался в Хранилище пророчеств, в каком-то самом важном талмуде сделал запись обо мне и Сосискине и подсунул раскрытую на этом месте книгу под нос главе Ковена. В это же время Абраша вносил аналогичные изменения во всю соответствующую литературу, а Ник внушил жителям Светлой и Темной сторон мысль о том, что каждый когда-то слышал о пророчестве. Всем стало казаться, что они знают об этом из рассказов бабок, песен менестрелей, древних книг и прочих источников. Одним словом, ребята подготовили мне плацдарм.

– Должна признать, грамотно у вас эта тема проработана, – уважительно поцокала языком моя безалаберность.

– Ну, как ты выражаешься, на том и стоим, – совершенно по-мальчишески показал язык Ник. – Ладно, ужас светлой эльфийки, что ты еще хочешь узнать?

Я поудобнее устроилась и попросила рассказать о взволновавших меня орках.

– Орках? – лукаво переспросил он. – Или тебе поведать об их предводителе?

– Давай сначала про орков в целом, а потом, может быть, и до Хришеньки доберемся, – милостиво кивнуло головой мое кокетство.

– Ты невыносима, – хохотнул в ответ он. – Орки формально принадлежат Светлой империи, а на самом деле не подчиняются императору. Их территория состоит из степи, которая с одной стороны переходя в лес, граничит со Светлой империей, а с другой упирается в реку, которая отделяет их от Темной. Те, кто живут в степи, занимаются разведением скота и выращивают лучших на двух материках лошадей. Кстати, эти лошади здесь зовутся гшерды, отличаются от ваших лошадей только более высоким ростом и тем, что все поголовно угольно-черные. Орки, которые живут в лесах, по праву считаются лучшими охотниками, а их женщины – самые искусные скорняки. Носить шубу из выделанных ими шкур могут позволить себе только очень богатые люди.

– Ник, постой, ты же говорил, что тут не бывает зим, зачем им тогда шубы? – вылезло мое непонимание ситуации.

– Смешная ты, разве у вас модницы не носят в теплую погоду всякие меховые вещички? Женщины, они во всех мирах одинаковые: лучше взмокнет как мышь и покажет свою обновку, чем наденет что-то старое, но по сезону.

– Ну да, ты прав, ладно, не отвлекайся, давай дальше про орков. Кто живет на реке, тот хороший рыбак, так?

– Так, но все они самые непобедимые воины, – продолжил развивать мои мысли демиург. – С самого рождения их учат верховой езде и укрощению гшердов, стрельбе из лука, владению всеми видами оружия. Многие из них нанимаются в охранники караванов; знать и купцы считают большой удачей иметь хоть одного орка в числе своих телохранителей. Все

они принадлежат к разным кланам, которые управляются вождями, но во главе всех кланов и вождей стоит их предводитель, сейчас это твой Хришенька.

– А это наследственная должность или выборная? – завозилось мое опасение остаться старой девой.

– Завоеванная, у них нет демократии и монархии в твоём понимании. Право быть вождем клана или предводителем завоевывается на поединках, которые проводятся, как только любой из вождей или предводитель начинают, по мнению окружающих, дряхлеть и выпускать власть из рук.

– Да, спокойно царствовать и почивать на лаврах там явно не получается, поди, каждый день доказываешь, что крутой... – разочарованно протянула я.

– Кстати, рассказать тебе, что сейчас делает твой Хришенька? – прервал меня Ник.

– Ой, да я тебя умоляю, тоже мне секрет Полишинеля, поди, предается плотским утехам с какой-нибудь грудастой мамзелькой в своём чуме, – зашелся в мерзком смехе опыт общения с противоположным полом.

– Кстати, я бы тоже не отказалась проверить собственной спиной качество мехов в его берлоге, – потягиваясь, уведомила порядком запущенная в последнее время половая жизнь.

На секунду Ник застыл, а потом радостно заржал:

– Ну да, Дашка, ты была права, он сейчас проводит сеанс внутреннего массажа с одной оркой, а вторая уже пребывает в нирване.

– Силен мужик, – присвистнула я. А потом добавила: – Слышь, всевидящее око, давай еще один тотализатор замутим. Скажи Абрашке, пусть принимает ставки на то, сколько раз за ночь он сможет не посрамить род мужской, и сколько раз я испытаю оргазм, только не забудьте от меня ставку принять.

– Заметано, – хлопнул он протянутую мной ладонь.

И тут моя осторожность намекнула мне, что не мешало бы узнать, как тут дела обстоят со всякими неприятностями, связанными с физическими контактами.

– Ник, пока ты там не кинулся принимать ставки, скажи мне, пожалуйста, как тут с венерическими заболеваниями и чем народ предохраняется от внеплановой беременности?

Ник отчаянно покраснел, закашлялся и, с трудом подбирая слова, обрадовал меня тем, что таких болезней тут нет, а от нежданной беременности предохраняет отвар из одной травки, которая не только растет повсеместно, но и подходит для всех рас. К тому же в каждой самой захудалой деревне у местной травницы можно купить его. Но более всего меня порадовало то, что все взрослое население всегда носит бутылочку этого отвара с собой.

– Ну ты прям, можно сказать, дал мне отмашку на полноценный секс с местными пахарями-трахарями, а то я хоть и прихватила на всякий случай с собой презервативы, но как-то сомневалась, что смогла бы задвинуть их на местных аборигенов. – Кстати, еще один вопрос: а с демиургами можно сексом заниматься и подходит ли им этот отвар? – ляпнула я и выжидательно уставилась.

– Даша, я тебя сейчас убью, если ты не прекратишь меня доводить! – Он угрожающе навис надо мной.

– Ну что, тебе сложно ответить? Может, встречу на солнечной поляночке после купания в каком-нибудь хрустальном озере твоего собрата, потеряю голову, прям там на ромашках ему отдамся в злостной позе и вместо оргазма лопну, как воздушный шарик, от текущей в меня божественной энергии. А если выживу, буду брошенной да с паранормальным младенцем на руках, – канючила мое умение доводить народ до белого каления.

– Хочешь попробовать? Секс между нами возможен, причем смею тебя уверить, если ты хоть раз попробуешь его с кем-то из нас, то потом всю жизнь будешь мечтать о повторении, – мурлыкнула эта сволочь в ответ и продолжила: – А насчет детей и алиментов, – мерзкий смешок в мою сторону, – можешь не беспокоиться: у нас слишком разный состав крови и всего остального, это как оплодотворение собаки кошкой. Ничего не получится. Если тебе не верится, то предлагаю прямо сейчас проверить, насколько я прав.

– Не-а, предлагаю после квеста оторваться всем четверым, чтоб сразу можно было с чем-то сравнить, так что не фиг пытаться умничать за мой счет, – включилась моментом задняя скорость.

В ответ на мое программное заявление Ник наградил меня взглядом, который сулил много чего хорошего в последующем, и многозначительно замолчал.

Чтобы не вводить себя и его в искушение, я решила закругляться с нашей беседой.

– Последний вопрос, Ник. У вас среди демиургов есть поверенные, адвокаты, стряпчие, ну или кто там у вас по юридическим и финансовым вопросам шарит, а то, сам понимаешь, капиталы надо куда-то пристроить.

Ник посмотрел на меня, как на назойливую муху.

– Я отвечу тебе, если ты мне ответишь на мой вопрос, договорились?

Дождавшись моего согласия он поведал, что нужные мне специалисты есть – их общество вообще очень похоже на наше, только у демиургов нет большинства наших отрицательных черт характера. Я не стала напоминать о моральных аспектах их развлечений и сделала вид, что поверила в их безгрешность. Еще он порекомендовал мне разместить наши с Сосискиным капиталы в разных мирах, а на принадлежащих нам территориях пообещал поставить управляющим своего знакомого. Заодно он просветил меня о том, что мы с моим псом весьма состоятельные, даже по их меркам, персоны. И за такие бабки, как у нас, вполне можно купить себе молодость и пару тысячелетий жизни, но только при условии, что жить мы будем не на своей Земле, а, к примеру, в одном из сотворенных ими миров. Так я узнала, почему парни при нашем знакомстве назвались демиургами девяти миров, но один вредный демиург наотрез отказался мне рассказывать про другие миры. Сделав обиженное лицо, я порекомендовала задавать столь мучавший его вопрос и проваливать.

Ник сосредоточенно замер, а потом выпалил:

– Как ты с самого начала догадалась, что мы тебя втягиваем в игру?

Я не стала его томить и как-то равнодушно ответила:

– Вас сдало ваше поведение, и уж очень вашей компашке хотелось втравить меня в это мероприятие, а окончательно я в этом убедилась, когда увидела у ребят кольца с символикой наших страстишек, сложила их вид с видом твоего кольца и получила ответ. Абраша назвал его кольцом творца, значит, оно суперважное для вас и поди в нем находится ваш пресловутый Дар? – вылез на сцену настырный мозг.

В ответ я услышала громовой хохот.

– Ой, да нет ничего в них важного – такие кольца дают всем, кто окончил академию, это как диплом об окончании вашего вуза. Если ты его потеряешь, будешь долго и нудно выправлять дубликат.

– Да, видать, бюрократия процветает не только у нас, – покивала я с умным видом. А он продолжил:

– После получения кольца каждый переделывает его под себя, и оно отображает то, к

чему лежит душа. У нас с друзьями это азартные и логические игры, а у кого-то это раскрытая книга или незаконченная картина.

Видя мое сонное лицо, он быстро закрутился.

– Ладно, неугомонная ты моя, мне пора, завтра до твоего отхода на поля сражений тебя посетит наш с ребятами поверенный, и ты с ним обговоришь все финансовые вопросы.

«Постой, Ник, можно мне на прощание одну просьбу?» – высказались остатки стыда.

Ника перекосило, и пока он не слинял, я торопливо выпалила:

– Да не смотри ты на меня, не буду ничего клянчить, просто можно сделать так, чтоб в наиболее интимные моменты на меня никто не смог смотреть? Просто очень неприятно сидеть под кустом и думать о куче народу, который в этот момент на меня с небес пялится.

– Дарья, – сделав презрительное лицо, процедил Ник, – вот кого-кого, а извращенцев, подглядывающих за кем-то в такие моменты, среди нас нет. – Каждый раз, когда ты уединяешься по своим так называем личным делам, ты просто пропадаешь для нас. Скажу больше, мы не являемся поклонниками порнографии, так что твои постельные дела нас тоже мало интересуют. – Все, давай ложись спать, тебе завтра потребуются силы, потому что, как только ты сделаешь первый шаг по направлению к Столице, начнется игра – и я больше не смогу к тебе прийти.

– Даже если просто поболтать, а не поддержать меня или дать совет, как действовать? – не веря в свое счастье, прошептала я.

– Даже в этом случае никто из нас к тебе не придет. – Сказав это, без всяких спецэффектов Ник пропал, а я, поудобнее устроившись на своем матрасе, прокрутила в голове весь наш разговор, нашла кучу ляпов и недомолвок и, сделав для себя определенные выводы, уснула.

Глава шестая

Пробудилась я на следующий день в двенадцать пополудни, о чем сообщили часы на моей руке. Сколько было по местному времени, меня мало волновало, но судя по положению светила, продрала я глазки явно не на утренней зорьке. Никаких угрызений совести я не испытывала. Может, если бы была селянкой и в хлеве стояла бы буренка, то и встала к первой дойке. Но коли я вроде как не почетная доярка колхоза «Красный лапоть», то, как говорил мой кузен, имевший глупость сходить в армию: «Солдат спит, а служба идет».

– Вставай, май либен Сосискин! Пора на трудовые подвиги! – Я глянула в сторону пса и направилась в кусты – совершать моцион.

Еще час прошел у нас в распитии кофе, поедании завтрака, донесении до сведения пса полученной вчера информации, вялых пререканиях и прочих хлопотах, сопровождающих любые сборы. Когда мы наконец решили двинуться в сторону Столицы, в нашем почти покинутом лагере возник обещанный поверенный. Пришедший назвался Ортанаэльдом, и мне он сразу понравился. В нем не было той подавляющей красоты, как в моих знакомцах, наоборот, весь его образ внушал какое-то спокойствие и надежность. Да и дела проще вести с мужиком, напоминающим менеджера среднего звена, а не модель из журнала «Men's Health».

– Соберись, тряпка, а то сейчас тебя облапошат, как провинциалку на рынке! – дала мне затрещину жадность.

Видимо, ее услышал Сосискин и с улыбкой акулы капитализма пропел:

– Где ж так припозднились, золотовалютный вы наш? Мы прям уж с рассвета вас поджидаем, глазки не смыкаем, все смотрим и ждем, когда же придет наш яхонтовый советник по экономическим вопросам.

Чую, что свалившиеся вчера богатство и владения не самым лучшим образом отразились на его характере.

– Я ждал, когда вы соберетесь, чтобы непосредственно перед вашим выходом урегулировать финансовые вопросы, – с легкой усмешкой парировал гость.

– О, дядя-то прям как наш министр финансов чешет на заседании Думы, – съехидничала я.

– Не-э-э, в принципе он прав. Кто ж на голодный желудок-то серьезные вопросы решает? – осклабился пес. – Не желаете ли кофейку-с? – шаркнул он задней лапкой.

– Желаю, – на свою беду, повелся на провокацию Ортанаэльда.

– А нету у нас кофию-то, нету, и еды у нас нету, калики мы переходные, странники горемычные, и вообще сами мы не местные, приехали на операцию, а деньги и документы все украли, живем на вокзале! Люди добрые, помогите копеечкой кто чем может! – на одном дыхании прогундосил пес и, сев на свой упитанный зад, нахально уставился на выпавшего в осадок Ортанаэльда.

Я ржала и смотрела, как тот в полной прострации полез в карман и, вытащив монетку, протянул ее новоявленному попрошайке.

– Сосискин, в тебе просто бездна талантов: то ты участвуешь в налетах на продуктовые лавки, то воруете золотишко у драконов, а теперь еще побираетесь! Вернемся назад, я тебя буду в качестве тренера нищенствующим гражданам сдавать: будешь им мастер-класс давать, – задыхаясь от смеха, выдавила я.

– А что одну-то? – не обращая никакого внимания на меня, сердито пробурчал он.

– На кой черт тебе это монетка. У тебя же миллионы! – Мне начал надоедать этот балаган.

– Молчи, убогая! – отмахнулся тот. – Деньги никогда лишними не бывают, это ты бессребреница, а я корыстный.

Наконец Ортанаэльд отмер и с улыбкой поинтересовался: всегда ли с нами так весело?

– Всегда. Если будешь регулярно подавать милостыню, обеспечу билетами на первый ряд, – категорично гавкнул пес и, схватив монетку, потащил ее в зубы к своей подстилке.

– Когда мои знакомые говорили, что вы оригинальны, я, признаться, не верил им, но теперь вижу, что вы действительно нечто, – поклонившись, признал мои таланты главный по финансам.

– А они тебя предупредили, что я не запоминаю трудные для себя имена и названия? – усмехнулась я.

– Предупредили, и мы даже с ними поспорили, как ты сократишь мое имя.

– А что тут думать? Эдиком будешь, – подал голос Сосискин.

– Почему Эдиком? – хором спросили мы.

– Тю-ю, а где вы видели путевых адвокатов или финансовых махинаторов по имени Олег? – вопросом на вопрос ответил он.

Мы переглянулись с Ортанаэльдом и заржали.

– Ну, кто выиграл? – удрученно спросила моя жадность, расстроенная, что в этот раз деньги прошли мимо нее.

– Никто. Сосискина мы в расчет не брали, – улыбаясь, ответил демиург.

А это они зря. Судя по тому, как угрожающе блеснули его глазки, Эдик крупно попал. Сосискин с виду хоть и безобидный тьюфак, но в душе он редкостная сволочь. Надо было срочно переключать внимание пса.

– Ладно, Эдик, давай не будем терять время и прикинем хрен к носу. Куда нам наши мильёны пристроить? А то уже солнышко высоко, а нам марш-бросок совершать и выйти до ночи из Леса.

И тут Эдик меня разочаровал, вместо того чтобы просто сказать, куда на время нам припрятать кубышку, он стал разрушать мой мозг всякими страшными словами типа: акция, облигация, котировка, займы, инфляция и процент по кредитам, какие ставки в банках каких миров наиболее выгодны, и т. д., и т. п. Примерно на пятой минуте его доклада я потеряла нить рассуждений и попыталась уйти в астрал, где спокойно могла переждать, когда закончится его лекция по межмировой экономике. Поняв, что товарищ оседлал своего любимого конька, а в нас нашел благодарные уши, я сделала умное лицо, про себя напевая песенку про поле чудес в стране дураков. Ну, неудобно было мне признаться, что единственный капитал, которым я, чего уж тут скрывать, не умею распоряжаться, – это моя зарплата, а на моей сберегательной книжке лежат какие-то сто раз деноминированные копейки, положенные мне на свадьбу еще прабабкой. Наконец он выдохся и вопросительно уставился на меня. Присев на умняк, я с важным видом покивала головой и предложила ему поместить наши капиталы туда, где лежат его денежки и деньги моих знакомых стервецов, а большую часть туда, где хранит свои трудовые копейки Абраша. Седьмая ресница на левом глазу мне подсказывала, что кто-то из его родственничков явно был родом из земли обетованной. Судя по тому, как просветлело лицо Эдика, именно эти банки он мне и рекомендовал, но мозг напомнил о нестыковках в вопросах невозможности использовать в

походе выигранные деньги. Банк мы сорвали, поверенного нам прислали, а наличку не дают. Придется прощупать на эту тему Эдика. Видя, как он пребывает мечтами в финансовых операциях, я решила вернуть его с небес на землю и попытаться вытрясти из него хотя бы какую-нибудь мелочь на первое время.

– Эдуард, дружок, а не скажешь ли ты мне, могу ли я и из своих капиталов изъять пару-тройку тычонок в местных денежных знаках на первое время?

– Боюсь, что нет. Насколько я знаю, вы можете получить их только в случае своего успеха, – отрицательно качнул головой Эдик.

Я выматерилась, ситуация была идиотская: выигрыш и гонорар за квест – это же разные вещи. Печенкой чую, к этой заднице причастна волосатая рука троицы. Как любит говорить моя подруга: «Ауй полный!» У нас была куча денег, но мы ее не могли взять, а из налички имелась выклянченная прозорливым Сосискиным монетка, да и то неизвестно, из какого металла сделанная. Эдик виновато молчал, а я зло курила.

В этот трагический момент на сцену вышел Сосискин, и, судя по выражению на морде, пес решил мстить. Сверкнув огненным взором, он патетически взвыл:

– Ви таки хотите нашей смерти? – с непередаваемым одесско-еврейским акцентом начал он.

Эдик попытался дернуться, но пес протестующее поднял лапу.

– Ви мне таки хотите сказать, шо ми без нормального питания должны заняться подрывной деятельностью в глухом подполье и без гешефта от командования? Таки я не слышу? Вам нечего нам сказать за деньги? Ша, тогда за деньги буду говорить я. Поверьте мне, старому ветерану фронтов Колчака и раскаявшемуся махновцу, все диверсанты потерпели поражение, потому что кое-кто не озаботился о горячем питании и подвозе фуража.

– Какой фураж?! Какой к черту фураж?! Заткнись, христопродавец! – шипела я, но Сосискина было не остановить.

– А как, ви думаете, ми будем преодолевать эти жуткие пустыни, в которых потерял бы надежду сам Моисей, и штурмовать эти горы? – кивнул он почему-то в сторону моря. Ви таки думаете, мои короткие лапки могу преодолеть эти расстояния?

Эдик ошалело покачал головой, а псу под хвост попало вдохновение.

– Правильно! Мои старые больные лапки уже не такие, как во времена моей розовой юности, и поэтому меня надо обеспечить лошадью. Но лошадь же не может питаться святым духом! Ой, если бы лошади питались святым духом, это был бы рай на земле, но они тоже любят кушать, и поэтому им нужен фураж.

Я уже не пыталась вмешаться, а просто наслаждалась представлением.

– А если я таки погибну, не вынеся всех тягот пути, кто позаботится о моих пятерых несчастных голодных щенках, трое из которых сиамские близнецы? Ви знаете, сколько ест щенок? Нет, ви таки не знаете, сколько раз в день кушает один щенок! Если бы ви это знали, то не делали мне такие большие глаза. А моя несчастная жена, которая перенесла болезнь и теперь стала похожа на бульдога, страдающего базедовой болезнью? И это моя Фирочка, которая была красой и гордостью Крыжопольского областного питомника сторожевых собак! Но теперь у нее плохое пищеварение, неправильный прикус, и ей таки нужен хороший дантист. А ви знаете-таки, сколько стоит хороший дантист? Этот оборотень в белом халате за один свой прием берет такие деньги, на которые все семь моих несчастных щенков могли бы хорошо кушать целый месяц! Но пока я коплю деньги на визиты к докторам, мне приходится работать в ночную смену грузчиком в порту, чтобы моя больная жена таки могла себе купить

специальный корм, ой, прости меня, Фирочка, для старых собак. Знаете, сколько стоит такой корм? Я вижу по глазам, шо ви таки знаете, сколько стоит этот корм! Но почему-то хотите сделать ее вдовой с больными зубами?! А моя страдающая радикулитом и искривлением хвоста теща?! Знаете, сколько стоит содержание тещи в собачьем приюте? Чтобы моя любимая теща ни в чем не нуждалась, я вынужден брать на дом работу и в домашних условиях переплавлять старые калоши на презервативы для малых народов Севера. Ви хотите взять такой грех на душу и оставить десятерых щенков, жену и тещу без куска хлеба и кормильца? Не надо, не берите греха на свою бессмертную душу – это плохо отразится на вашей ауре и вас откажется лечить даже Кашпировский. Я же вижу, ви разумный человек, и я из уважения к вам таки соглашусь на небольшое, но регулярное пожертвование в пользу вдов и детей героев войны. Шо ви отрицательно качаете головой? Вас не убедили мои дети? Тогда поглядите на эту мужественную девочку с руками пианистки, взявшую в свои чуткие пальцы топор войны! Она, практически причисленная к лику святых великомученица, ушла босая на войну из дома! Ой, если бы ви только знали, какой у нее уютный дом и большой холодильник! И, не прося ничего взамен, кинула себя на амбразуру.

– Позвольте, но Дарье выплатят гонорар, – слегка заикаясь, проблеял Эдик.

– Который даже не достанется в качестве пенсии ее родным, – отбрил Сосискин. – Эта полуголодная крошка одна, с голой пяткой, будет кидаться на вражеские штыки, а ви жалеете выдать ей небольшой аванс на теплые носки? Я уже молчу за то, шо ей придется, как Мата Хари, которую все в Одессе знали как Милю Кольцмальгогель, выяснять коварные планы тирана. Шо-то мне подсказывает, что он таки, потомственный черносотенный белогвардеец, не станет откровенным с какой-то оборванкой. О таких, как он, поломали зубы все местные гетеры-резиденты, состоящие в секретариате начальника контрразведки, а ви хотите, шоб она в этом рубище развязала ему язык? Я же вижу, шо ви, как внук Штирлица, в душе согласны, что в таком наряде она провалит нам все явки, а от голода забудет все пароли. А потом бурчание ее голодного желудка может заглушить седьмую, героическую симфонию Шостаковича, которую деточка будет играть для усыпления бдительности войск противника. Ви же умный человек, поговорите с товарищами наверху, пусть выдадут ассигнования ей на шпильки и витамины. Шо ви молчите? Вам таки стыдно, шо ви не подумали за лекарства? Так уймите свою совесть, за вас уже подумал я. Или ви таки думали, если девочка взяла с собой мазь от геморроя, она спасет ее от ангины? Так шоб ви знали, с больным горлом она не сможет кинуть в бой ополченцев, ее же просто не услышат. Мы же не хотим, шобы она погибла в самом начале. Или мне начинать думать за саботаж?

– Не надо думать за саботаж. Я сейчас уточню, можете вы воспользоваться выигрышем или нет, – отмер Эдик и испарился.

Сосискин победно взглянул на меня и совершенно нормальным тоном сказал:

– Учись, гопота, как шимазлам на уши грамотно приседать надо.

– Да-а, – офигевше протянула я и поинтересовалась: – Скажи мне, откуда такой одесский колорит? Ты же вроде дальше дачи нигде не бывал и знакомых и родственников у нас оттуда нет?

– А как ты думаешь, я со свой бульдожкой познакомился? – прищурился, спросил он.

В ответ я пожала плечами, процесс их знакомства, в отличие от его последствий, я наблюдала целый месяц, пока не продала щенков. Видя, что ответа от меня не дожидаться, дамский угодник сообщил, что познакомился с ней в тот момент, когда она сбежала от хозяев, потому что не могла больше вынести разговоров их родственников, приехавших из

Биробиджана и до кучи захвативших с собой мохнорылого пуделя.

– Кстати, мадам, за мой гастроль требую повышенную порцию. Надеюсь, я заслужил?

– Базара нет, – засмеялась я, и довольный пес улегся в тенечке.

Только я собралась перекурить победу Сосискина над буржуем-капиталистом, как из воздуха второй раз за день нарисовался пребывающий, судя по красному лицу, в предынфарктном состоянии Эдик.

– Дарья, можно вас на минуточку? – С опаской глядя на Сосискина, прошептал он.

– Можно Машку за ляжку, а у Дарьи Петровны дозволяется просить уделить время, – зарычал пес.

Эдик нервно вздрогнул и просительно уставился в мои глаза. Мне стало жалко парня, и я, взяв его за руку, потянула за куст.

– Не обижайтесь на Сосискина, он просто очень нервничает, когда, по его мнению, наступает угроза желудку, – выступила с программной речью моя совесть.

– Да, конечно, я понимаю, – проблеял Эдик. Потом глубоко вздохнул и выпалил: – Я просмотрел законодательство по вашему вопросу и не нашел ничего по данной ситуации, но, – поспешил он меня утешить, – я смог доказать, что ваш выигрыш – это не гонорар и никто не может запретить вам его тратить, когда вы этого захотите.

Подозреваю, несчастный друг выдержал целый бой за наши интересы. Конечно, наблюдать за дурой, которая в ближайшее время дойдет до мысли продать свои почки, чтобы прокормить себя и собаку, гораздо интереснее, чем смотреть, как мы с ним спокойно будем тратить наши денежки с пользой для тела. Чую, все наблюдатели очень не хотели облегчать нам скитания. Недаром же Ник соврал, что я получу выигрыш только в случае победы. Ничего, я это припомню ему. Я не злая – я очень злая и памятливая. Но на всякий случай решила проверить свои догадки.

– Эдик, признайтесь, это было нелегко?

– Скажем так, это было трудно, но я это аргументировал тем, что если мы введем для вас запрет на использование выигрыша, то многие могут подумать, что организаторы не хотят отдавать его и это может подорвать их авторитет, – подтвердил он мои подозрения. – И потом, я кровно заинтересован в вашей победе, – вдруг залихватски подмигнул он.

– Спасибо, вы настоящий друг, а не поросячий хвостик, – ответно изобразила нервный тик я.

Затем Эдик быстро передал мне два мешочка с монетами: один с золотом, второй с местной мелочью. Дальше мы с ним договорились, что по моему первому требованию он будет пополнять их. Я всегда могу с ним мысленно связаться только по финансовым вопросам, а задержек с поступлением средств у меня не будет. Наконец мы тепло попрощались, и я осталась одна с Сосискиным. Надев на себя рюкзак и прихватив сумки, я и пес сделали первый шаг по пути к вселенской засаде.

Примерно через час-полтора неспешной прогулки по лесу подо мной разверзлись небеса. Нет, на нас не напали вурдалаки, стая горгулий не закидала нас каменным пометом, и даже василиски не пытались сделать из нас статую «Дама с собачкой». Ничего такого не произошло. У меня случился всего лишь Сосискин на переходе. Через каждые сто метров я была вынуждена останавливаться, потому что кое-кому хотелось пить, есть, пёситься, и я должна была, всенепременно отвернувшись, его караулить. В промежутках у него то кололо в боку, то кружилась голова, то попадали огромные булжники в подушечки лап. Я была вынуждена ждать, пока пес полежит и наберется сил, чтобы двигаться дальше. Капризным

тоном меня требовали взять его на ручки, а когда я говорила, что в таком случае брошу сумки с едой, меня всячески обзывали. Через час я озверела, к исходу второго стала лихорадочно вспоминать, куда сунула кухонный нож. Только мысль о том, что этим ножом я потом буду резать продукты, спасла это чудовище от смерти.

Вот и сейчас Сосискин завел свою песню:

– Даш! Даша! Дарья! Дашка! Куда ты летишь как угорелая? Я устал! Давай отдохнем? Смотри, уже солнышко садится, давай уже искать место для ночлега?

Я со злостью бросила сумки, рывком скинула с плеч рюкзак и выдала речь, которая составила бы честь любому боцману. Скажем прямо, из приличного там были только предлоги. Пес растерянно посмотрел на меня и наивно поинтересовался, что это я так разошлась. Вторая фраза, по моему мнению, надолго должна была отбить охоту задавать мне дурацкие вопросы, но этот ушастый турист-недоучка невозмутимо фыркнул и заявил, что он так устал, что никакие колбасные изделия не заставят его сделать ни шагу. Поняв, что сил у меня терпеть этот скулеж больше нет, я плюнула и стала собирать ветки для костра. Увидев, что колыхание телесами по направлению к заданной позиции больше на сегодня не предвидится, разрушитель моих нервных клеток тут же вытащил из рюкзака свое персональное койко-место и, расстелив его с помощью носа, нахально завалился спать. Я же, как пчелка Майя, обустроивала наш ночлег, кипятила воду, готовила макароны с тушенкой и думала, как ночью буду защищаться от неведомых тварей. Ник мне говорил, что на Светлой территории шанс встретить нечисть мизерный, но не с моим еврейским счастьем надеяться на чудо. Оставив пса сторожить наш временный лагерь и удивившись, что он даже не испугался остаться один, пошла искать воду на завтра. Сегодня мне не повезло. Проплутав довольно долгое время, никакого водоема не обнаружила и, увидев, что солнце начинает клониться к закату, пошла назад. Настроение было отвратительное, воды оставалось мало, значит, придется обходиться без вечерних водных процедур. Из леса мы не вышли и, судя по тому, как пес передвигается, идти нам по нему очень долго. Как говорится, на повестке дня одна фигня. Вот с такими грустными мыслями я вернулась назад, и, как оказалось, во время. Еще пять минут блужданий, и осталась бы без ужина.

– Сосискин, сволочь, ты сожрал почти все макароны! – заорала я, когда увидела, что почти полный походный котелок был им съеден.

От моего вопля с деревьев посыпались листья, а этот троглодит даже ухом не повел.

– Ну и чего ты орешь? – невозмутимо поинтересовался он. – Вон возьми кипяточку и взорви бомж-пакет, – кивнул он на торчащую из сумки упаковку лапши «Доширак».

– Скотина ты мерзкая! Это наш НЗ! Что ты будешь жрать, когда кончатся макароны и тушенка?! – визжала я на весь лес.

– Дойдем до города и купим хавчик, – сыто икнул он в ответ.

– Да такими темпами мы сдохнем в этом лесу от голода, а коренья и грибы ты жрать у нас не приучен! Ты у нас исключительно мясо-молочные продукты потребляешь! – вопила моя обида, и ей вторил бурчащий от голода желудок.

– А кто-то слишком долго прохлаждался на морях – и у него отобрали возможность определять, что тут съедобное, а что нет, – огрызнулся он в ответ.

Не помня себя от злости, я подлетела и выхватила то, что оставалось от ужина.

– Подавись, куском уже испопрекалась! – зло тьякнул пес и лег спиной ко мне.

И без того поганое настроение было испорчено окончательно. С трудом впихнув в себя остатки еды, переодевшись в старые папины тренировочные штаны и тельняшку, моя

пышущая злобой персона завалилась спать.

Я проснулась среди ночи от того, что почувствовала прикосновение чего-то мокрого и холодного к своей шее. Я испугано завизжала и при свете тлеющих углей увидела дрожащего Сосискина.

– Дашка! Тут кто-то ходит! – заикаясь, прошептал он и прижался ко мне, тихонько поскуливая.

Я прислушалась: в лесу царила тишина, и только деревья шелестели своими кронами.

– Кто тебе тут ходит, паникер несчастный, так и скажи, что боишься спать один.

– Боюсь, но я только что слышал, как тут кто-то ходил.

Я стала вслушиваться... Через пять минут работы локатором мои барабанные перепонки вынесли вердикт, что ему послышалось, а я обняла его и снова попыталась заснуть. Но сон не шел, слова Сосискина разбудили во мне страхи перед темнотой и ночным лесом. Он внезапно наполнился шорохами, скрипами, стал чудиться волчий вой и уханье совы. Сердце стало колотиться как бешеное, а по спине пополз холодный пот. Девятым валом накатывали ужас и паника. Мне казалось, что из соседних кустов на меня смотрит, как минимум, упырь, а как максимум – тираннозавр. Тут еще полезли мысли о вампирах, которые усыпляют своих жертв зовом, об извечных гурманах зомби и прочих любителях человеченки. Надо было срочно взять себя в руки и успокоиться, иначе ко мне с визитом придет товарищ Миокард. Я отстранила от себя испуганно вздрогнувшего пса и потянулась к рюкзаку за запасенной на всякий який водкой. Не успела я ее взять в трясущиеся руки, как вдруг справа от нас раздался оглушительный треск: с диким воем Сосискин рванул в темноту, а я застыла с бутылкой, перехваченной в руке за горлышко на манер гранаты. Со стороны я, наверное, смотрелась как какой-нибудь революционный матрос, отражающий атаку антантовцев. Для полноты картины не хватало патронташа крест-накрест, бескозырки и ленточки в зубах, но трясущиеся поджилки, вместо насвистывания залихватского Яблочка, используя в качестве радиста клацающие зубы, отстукивали: «Проверь на сухость папины штаны». Тельник рвало выпрыгивающее из груди сердце, мозг просчитывал комбинации по тактическому отступлению, ноги резко приготовились стартовать в ту сторону, куда по-спринтерски рванул Сосискин, как вдруг, на манер Анастасии Волочковой, на поляну выплыл наш знакомый единорог. Второй раз за день с деревьев посыпались листья, а интуиция подсказала, что во всех окрестных деревнях после моего сольного выступления перестанут нестись куры, ну или кто там у них отвечает за яичницы и омлеты.

Пока я орала, эта рогатая скотина совершенно спокойно стояла и смотрела на меня, не делая никаких попыток сбежать, тем самым опровергая все сведения о своей пугливости. Наконец я иссякла и совершенно спокойно брякнула:

– Пить будешь?

Единорог кивнул, а я открыла бутылку, глотнула из горла, в полной прострации плеснула в миску Сосискина грамм пятьдесят и сунула ему под нос. Единорог быстро наклонился и, шумно сопя, вылакал водку.

– Закусить? – деловито предложила почувшавшая запах алкоголя печень.

– После первой не закусываю, – последовал ответ.

– Повторить? – потеряло ручки компанейство.

– Наливай, – махнул гривой нахлебник.

Я налила: мне ради такого случая и водки не жалко. Что там! Подумаешь, единорог, жрущий хань! – Так, мелочи какие-то.

– Теперь закусим, – уточнила я после того, как мы с ним тяпнули по второй.

– Не откажусь, – втягивая ноздрями воздух, сообщил нежданный собутыльник.

– Ну, я, пожалуй, курятиной закушу, а тебе сейчас яблоко отроем.

Я полезла в рюкзак за закусью, попутно нашаривая сигареты. С пятой попытки нашлась витаминизированная зажорка, с десятой обнаружилось сигареты, а с черт-те какой я смогла прикурить. Единорог аккуратно взял с моей протянутой ладошки яблоко и деликатно захрустел, а я светским тоном осведомилась, не мешает ли ему дым.

– Ничуть, – успокоил меня этот мерин-недоросток и покосился на бутылку.

– Одну минутку, третьего позову, а то, знаете ли, уважаемый, и так нарушаем традицию: пьем без плавленого сырка, так еще и на двоих. Сосискин! Вылезай из окопа: третьим будешь! – зычно гаркнула в темноту моя засыпающая осторожность.

– И как только алкаш алкаша находит? Мысли, что ли, улавливает? – раздалось откуда-то сзади, и к нашему обществу, осторожно ступая, просочился непьющий пес.

– Давайте представимся и выпьем за знакомство, – быстро предложила я. – Дарья.

– Шерри-Матадор, – решил козырнуть Сосискин, но под моим взглядом быстро добавил: – Можете меня называть партийной кличкой Сосискин.

Единорог горделиво тряхнул гривой, окинул нас снисходительным взглядом и представился:

– Первый луч утренней зари, восходящей на небосвод перед светилом, вечный соперник ветра на просторах, верховный удостоверятель невинности дев, стоящий на страже нравственности и целомудрия у подножия трона императора, оплот добродетели и покровитель девственниц в седьмом поколении, воспитывающихся при монастырях, ведущий серебряного крыла Вечного леса, быстроногий и долгогривый любимец богов Сфэвертаиль.

– Охреть, – выдал Сосискин и рухнул в обморок.

Я молча поддержала его неслабым глотком.

Глава седьмая

Чтобы перезагрузить себе мозги, зависшие после прослушивания имени длиною с автобан, я начала кидать ветки в тлеющие угли костра и прикидывать, сколько смогу выделить сырокопченой колбасы, чтобы вывести из прострации Сосискина. Мозги взяли тайм-аут, а память наотрез отказалась записать в подкорку все услышанное. Скопив взгляд на единорога, я увидела, как тот явно наслаждается произведенным фурором. Во мне вскипела кровь бабки по материнской линии, которая всю жизнь проработала на рынке в палатке сельхозкооперации и знала толк в том, как поставить на место гнилую интеллигенцию, посмевшую заикнуться о недовесе и степени испорченности товара.

– Мой дивный друг, только из уважения к вашему редкому виду и дабы не травмировать моего бывшего до сего момента воспитанным пса, я предлагаю вам на выбор с этой минуты откликаться на Сивку-Бурку или Серебряное Копытце.

– А другие имена есть? – нервно прядая ушами, спросил целкомудренный хранитель монарших поясов верности.

– Есть, но они вряд ли тебе понравятся, велеречивый ты мой, – неспешно кивнула я.

– И все-таки я настаиваю, – стукнул копытом в ответ кошмар Пржевальского.

– Гляди какой хрен горбатый нарисовался – не сотрешь. Приперся незванный, напугал практически до конфуза в штанах, водку нашу пил и на чем-то там еще и настаивает. Да что б ты знал, козел однорогий, настаивают спирт на клюкве, – отмер Сосискин.

Я не привыкла заставлять себя ждать и выдала тираду, по длине не уступающую его оперативному псевдониму.

– Даже не зная этого языка, предполагаю, что это ругательство, и поэтому отказываюсь откликаться на него, – гордо вскинул гриву верховный мустанг местных прерий.

– Тогда только Сивка, даже без Бурки, за детские капризы право именоваться Серебряным Копытцем вы утеряти, – царственно изрекла моя стервозность.

– Но как же так... я же у трона... – запинаясь, как водитель «запорожца», въехавшего в зад «лексусу», оправдывается перед хозяином пострадавшей тачки, начал лепетать коник.

Примерно так же бубнил и корчил жалостливые рожи один товарищ в налоговой инспекции, куда я раз заглянула по просьбе главного бухгалтера своей конторы. Продавец фиалок специально к Восьмому марта открыл на тот момент единственную палатку с цветами в районе новостроек, а потом представил декларацию, согласно которой ему еще и государство должно было приплатить за хлопоты. Так что меня этим сиротским бляньем не пронять, зря Сивка из копыт выпрыгивает.

– Больше не налью, – сказала как отрезала и демонстративно стала убирать бутылку в рюкзак.

Решив помочь мне окончательно деморализовать копытного, голос подал Сосискин:

– Кстати, я тут интересуюсь, как ты девственность-то у девиц невинных проверял, копытом на ощупь или как? – И мерзко заржал.

Мне стало жалко коняшку. Как показала практика, выдержать нас вдвоем с обретшим способность говорить Сосискиным не удавалось еще никому. Глядя, как единорог обиженно на нас смотрит, я, вздохнув, вытянула назад водку, чтобы процесс адаптации к новому имени прошел наименее безболезненно.

Мир и покой были восстановлены, и мне до жути захотелось узнать, что он тут делает,

вместо того чтобы отираться возле высокопоставленных девиц.

– Скажи мне, Сивка, а что это ты один, да еще ночью по лесу шагаешь? Не боишься, что кто-нибудь откусит твое главное достоинство?

Глаза единорога стали размером с колесо от МАЗа. Такие глаза я видела всего один раз в жизни. Они были у моего папы, когда он все дни отпуска в Египте методично осушал минибар, а по выписке из отеля ему принесли счет. М-дя, видимо, местный электорат еще не был готов к моим откровениям, и я кинулась его разубеждать:

– Да не то, о чем ты подумал, я рог имела в виду. Что ты там ножками-то засучил, ты никак подумал, что я интересуюсь твоим фамильным Фаберже?

Через пару минут он перестал хватать ртом воздух и с налетом печали произнес:

– А меня из табуна наш вожак выгнал.

– О как! Политический эмигрант, он же неблагонадежный элемент, значит, – делано посочувствовал пес.

– За что выперли соплеменники, монашек пугал аль с девицами бесчинствовал? Ты не стесняйся, мы тут все свои, – в свою очередь поинтересовалась я.

Сивка отрицательно махнул в ответ гривой. Как следовало из его запутанного повествования, этот ночной сомелье пострадал за любовь. Если раньше табун снисходительно смотрел на то, как он отказывался просыпаться на заре и носиться по росе, закрывал до поры до времени глаза на его выбраки в виде местного матерка в присутствии монарха, заминал перед духовенством его нежелание являться под окна монастырей в строго отведенные дни, то его любовь к русалке стала последней каплей.

– Дельфин русалку отлюбил глубокой трепетной любовью, – коверкая текст и безбожно фальшивя, попытался спеть пес, но я его сурово одернула:

– Кто бы говорил... А кто три недели в том году грыз обувь по соседской сенбернарше? Послушай, Сивка, а разве у вас тут нет предубеждений против межрасовых браков?

– Нет, Дариа, – отрицательно отозвался он. – Дело совершенно в другом.

– Стой, – замахала я руками, как лопастями винта, – дай отгадаю. У вас с ней разные места обитания да детишек не могло быть, а вашим родителям хотелось до аллергии и диатеза обкормить сладостями рогато-хвостатых внуков?

– Места обитания тут ни при чем, да и потом, ты что, думаешь, русалки беременеют от того, что об их хвост святой дух потрется? – огорошил меня Сивка.

– А разве они не икру откладывают, и у тебя что-то я плавников не заметил, – некстати влез настырный пес.

– Русалка на берегу может принять любой образ, – просветил нас любитель нетрадиционной любви. И продолжил: – Она мне изменила с оборотнем, а он забыл выпить специальный отвар – и через положенное время эта упырица родила. Я, как благородный, хотел прикрыть ее позор, но мой папа не оценил попыток и сказал: «Дураков надо учить». А я, как жеребенок безрогий, хотел у себя на крупе попросить художника нарисовать ее портрет. – Сивка горестно вздохнул и нацелился пролить слезы по поруганной любви.

– А как же теперь эта гнида речная наказана, что с ней сделали? – решил не дать впасть в пучину отчаянья Сосискин.

– Ничего, после скандала в двух семействах ее выдали замуж за оборотня, и у их сына вторая ипостась не волк и не русалка, а волк с рыбьим хвостом. Да и пошла она в троллю задницу, коряга водоплавающая, – подвел итог мелодраме Сивка.

На Сосискина этот «бразильский сериал» не произвел никакого впечатления.

– Слышь, Дашка, – весело затыкал он меня ухом, – я теперь понял, почему у него один рог.

– Ну и почему? – заинтересовался мой скептицизм, свято не верящий, что в голову Сосискина могут прийти хоть какие-то умные мысли.

– Если бы ему изменила жирафа, то их было бы два, а так как ему их наставила полурыба-полубаба, то он у него один.

– Слушай, зоолог ты мой, тебя послушать, если бы ему наставила какая-нибудь лосиха, то они бы у него торчали на голове, как кактус-лепешечник. Уймись, Дроздов-недоучка, во всех сказках рог у них один, и вообще хорош шептаться, вон, видишь, Сивка собрался пьяные слезы выдавливать, а у меня водки не хватит его утешать. – И добавила шепотом: – Знаешь, меня терзают подозрения, никакой он не диссидент, а просто бичующий элемент, страдающий алкоголизмом и заскочивший к нам на опохмелку. Ладно, – махнула я рукой, – разберемся, но если я узнаю, что весь этот бред про селедку с сиськами, грешащую в камышах с каким-нибудь блохастым Бобиком, он придумал, чтобы развести меня на бутылку, то я найду способ попортить ему гриву.

Сивка вытер выступающие слезы длиннющим хвостом и покосился на остатки водки. Я решила временно закодироваться и выплеснула ему все, что оставалось в бутылке. Благодушно вздохнув после опустошения миски, Сивка вдруг выдал:

– Дария, а почему у вас такие странные имена и вы иногда говорите на непонятном языке? Что такое, – спросил он, жутко коверкая слова на манер того, как наши за границей спьяну пытаются на ломаном английском узнать, где промышляют проститутки, – «диатез», «аллергия» и что значит имя Сосискин?

Я растерялась и непонимающе уставилась на пса:

– Ты все понимаешь, что я говорю?

Кивок.

– Тогда почему он то понимает, то нет?

– Ну, ты еще спроси у меня, кто убил Джона Кеннеди. Я тебе что, Вассерман, чтоб все знать? – проворчал пес.

И тут моя память, простимулированная выпитой водкой, услужливо напомнила мне о том, как демиурги объясняли функционирование моего дара в области лингвистики. Судя по их малопонятным объяснениям, в мою голову не вкладывались знания этих самых языков, потому что человеческий мозг просто бы взорвался от количества знаний. Поэтому я говорила на родном русском, но окружающим казалось, что я говорю на их языке, а мне, наоборот, казалось, что они говорят на русском. Но демиурги как-то не упоминали, что если в нашем языке было слово, которого не существовало ни в одном из языков на Лабуде, то оно для собеседника звучало как иностранное. И судя по всему, Ник явно случайно проговорился, что их гшерды – это наши лошади. И впереди меня ждет еще много интересных открытий не только во флоре и фауне, но и в повседневном быту. На этом фоне вспомнился знакомый иностранец, которому я до упора объясняла, что такое борщ, и спинным мозгом прочувствовала, что эти манипуляторы однозначно не дали мне знаний еще о куче вещей.

«Ты, мать, еще от испуга не обратила внимания, как он произносит твое имя», – некстати напомнил о себе мозг.

«Делай вывод, что тут Иванами да Марьями никого не называют», – припечатала логика.

Это стало последней каплей. Я взвыла не хуже злостного неплательщика алиментов, получившего исполнительный лист с пенями за все годы неплатежей.

– Сукины дети, Сосискин, эти... (вырезано цензурой) сделали так, что, стоит мне открыть рот, и любой узнает, что мы тут гастарбайтеры-нелегалы.

Пес вопрошающе уставился на меня. Я продолжила:

– Смотри, стоит мне или тебе выдать слово, аналога которому тут нет, как наша малина сразу запаливается.

До пса пока не доходил весь ужас нашей ситуации.

– Ну и что в этом криминального? Подумаешь, иномиряне мы. Не расстреляют нас на месте за это, а может, даже окажут посильную помощь, светлым это вроде как по статусу положено.

«На положено до хрена наложено», – истерически выкрикнул дрожащий за свою шкуру организм.

– Ты уверен, что тут соблюдается классика жанра, все светленькие белые и пушистые и среди них нет продавшихся Темному диктатору? Если с сегодняшнего утра эта долбанная игра началась, то каждая нечисть и примкнувшие к ней Павлики Морозовы моментом нас вычислят и сочтут своим долгом заложить двух иностранцев с рюкзаком в местное НКВД. Скажу тебе больше: первое же отделение партии светлых нас тут же отконвоирует к императору или пинками под зад погонит на штурм Цитадели. Лично ты готов прямо сейчас кинуться на амбразуру?! – Мой голос сорвался на крик. – Но что еще хуже, мы можем нарваться на светлых фанатиков, которые жаждут славы и мировой справедливости и непременно сядут к нам сначала на хвост, а потом на шею. Вот при таких делах классика жанра будет соблюдена. Потому что светлый окажется полным идиотом, требующим нашей опеки, которому я буду вытирать патриотические сопли и развлекать песнями про калинку-малинку. И еще, мой пока еще живой дружок, в застенках нас будут ждать наручники, всякие медицинские инструменты, кожаные плетки и прочие девайсы, но я не поклонница садомазоизма, не Зоя Космодемьянская и не выдержу такие ролевые игры.

[Купить полную версию книги](#)